

С. Топелиус



С·К·А·З·К·И





С. Топелиус

КАЗКИ

Пересказала
А. Любарская

Художник
М. Юфа

Издательство «Карелия» Петрозаводск
1979

Стихи к сказкам «Сампо-Лопарёнок», «Зимняя сказка»,
«Подарок морского хозяина» — в вольном переводе
С. Хмельницкого.

Зимняя сказка

В

большом дремучем лесу, далеко на севере Финляндии, росли рядом две огромные сосны. Они были такие старые, такие старые, что никто, даже седой мох, не мог припомнить, были ли они когда-нибудь молодыми, тонкими сосенками. Над всеми деревьями, откуда ни погляди, поднимались их тёмные вершины.

Весной в густых ветвях старых сосен пел весёлые песенки дрозд, а маленькие розовые цветы вереска смотрели на них снизу вверх так робко, будто хотели сказать: «Ах

неужели и мы будем такими же большими и такими же старыми?»

Зимой, когда метель закутывала всю землю белым одеялом и цветы вереска спали под пушистыми снежными сугробами, две сосны, словно два великана, сторожили лес.

Зимняя буря с шумом проносилась по чаще, сметала с веток снег, обламывала вершины деревьев, валила наземь крепкие стволы. И только сосны-великаны всегда стояли твёрдо и прямо, и никакой ураган не мог заставить их склонить головы.

А ведь если ты такой сильный и стойкий — это что-нибудь да значит!

У опушки леса, где росли старые сосны, на небольшом пригорке уютилась хижина, крытая дёрном, и двумя маленькими окошками глядела в лес. В этой хижине жил бедный крестьянин со своей женой. У них был клочок земли, на котором они сеяли хлеб, и небольшой огород. Вот и всё их богатство. А зимой крестьянин работал в лесу — рубил деревья и возил брёвна на лесопилню, чтобы скопить несколько монет на молоко и масло.

У крестьянина и его жены было двое детей — мальчик и девочка. Мальчика звали Сильвестр, а девочку — Сильвия.

И где только нашли для них такие имена! Наверно, в лесу. Ведь слово «сильва» на древнем латинском языке значит «лес».

Однажды — это было зимой — брат и сестра, Сильвестр и Сильвия, пошли в лес, чтобы посмотреть, не попался ли в силки, которые они расставили, какой-нибудь лесной зверёк или птица.

И верно, в один силок попался белый заяц, а в другой — белая куропатка. И заяц и куропатка были живы, они только запутались лапками в силках и жалобно пищали.

— Отпусти меня! — пролопотал заяц, когда Сильвестр подошёл к нему.

— Отпусти меня! — пропищала куропатка, когда Сильвия наклонилась над ней.

Сильвестр и Сильвия очень удивились. Никогда они ещё не слышали, чтобы лесные звери и птицы говорили по-человечьи.

— Давай-ка и вправду отпустим их! — сказала Сильвия.

И вместе с братом она принялась осторожно распутывать силки.

Едва только заяц почувствовал свободу, как со всех ног поскакал в глубь леса. А куропатка полетела прочь так быстро, как могли нести её крылья.

— Подопринебо!.. Подопринебо всё сделает, о чём вы ни попросите! — крикнул заяц на скаку.

— Просите Зацепитучу!.. Просите Зацепитучу!.. И всё у вас будет, чего только ни захотите! — прокричала куропатка на лету.

И снова в лесу стало совсем тихо.

— Что это они говорили? — сказал наконец Сильвестр. — Про каких это Подопринебо и Зацепитучу?

— И я никогда не слыхала таких странных имён, — сказала Сильвия. — Кто бы это мог быть?

В это время сильный порыв ветра пронёсся по лесу. Вершины старых сосен зашумели, и в их шуме Сильвестр и Сильвия ясно расслышали слова.

— Ну что, дружище, стоишь ещё? — спросила одна сосна у другой. — Ещё держишь небо? Недаром ведь лесные звери прозвали тебя Подопринебо!

— Стою! Держу! — загудела другая сосна. — А ты как, старина? Всё воюешь с тучами? Ведь и про тебя не зря говорят — Зацепитучу!

— Что-то слабею я, — прошелестело в ответ. — Нынче вот ветер обломал у меня верхнюю ветку. Видно, и вправду старость приходит!

— Грешно тебе жаловаться! Тебе ведь только триста пятьдесят лет. Ты ещё дитя! Совсем дитя! А вот мне уже триста восемьдесят восемь стукнуло!

И старая сосна тяжело вздохнула.

— Смотри, вон возвращается ветер, — прошептала сосна (та, что была помоложе). — Под его свист так хорошо петь

песни! Давай-ка споём с тобой про далёкую старину, про нашу молодость. Ведь нам с тобой есть о чём вспомнить!

И под шум бури сосны, качаясь, запели свою песню:

Мы скованы стужей, мы в снежном плену!
Бушует и буйствует вьюга.
Под шум её клонит нас, древних, ко сну,
И давнюю видим во сне старину —
То время, когда мы, два друга,
Две юных сосны, поднялись в высоту
Над зыбкою зеленью луга.

Фиалки у наших подножий цвели,
Белили нам хвою метели,
И тучи летели из мгlistой дали,
И бурей рушило ели.
Мы к небу тянулись из мёрзлой земли,
Нас даже столетья согнуть не могли
И вихри сломить не посмели...

— Да, нам с тобой есть о чём вспомнить, есть о чём рассказать, — сказала сосна (та, что была постарше) и тихонько заскрипела. — Давай-ка поговорим с этими детьми. — И одна её ветка качнулась, как будто показывая на Сильвестра и Сильвию.

— О чём это они хотят с нами поговорить? — сказал Сильвестр.

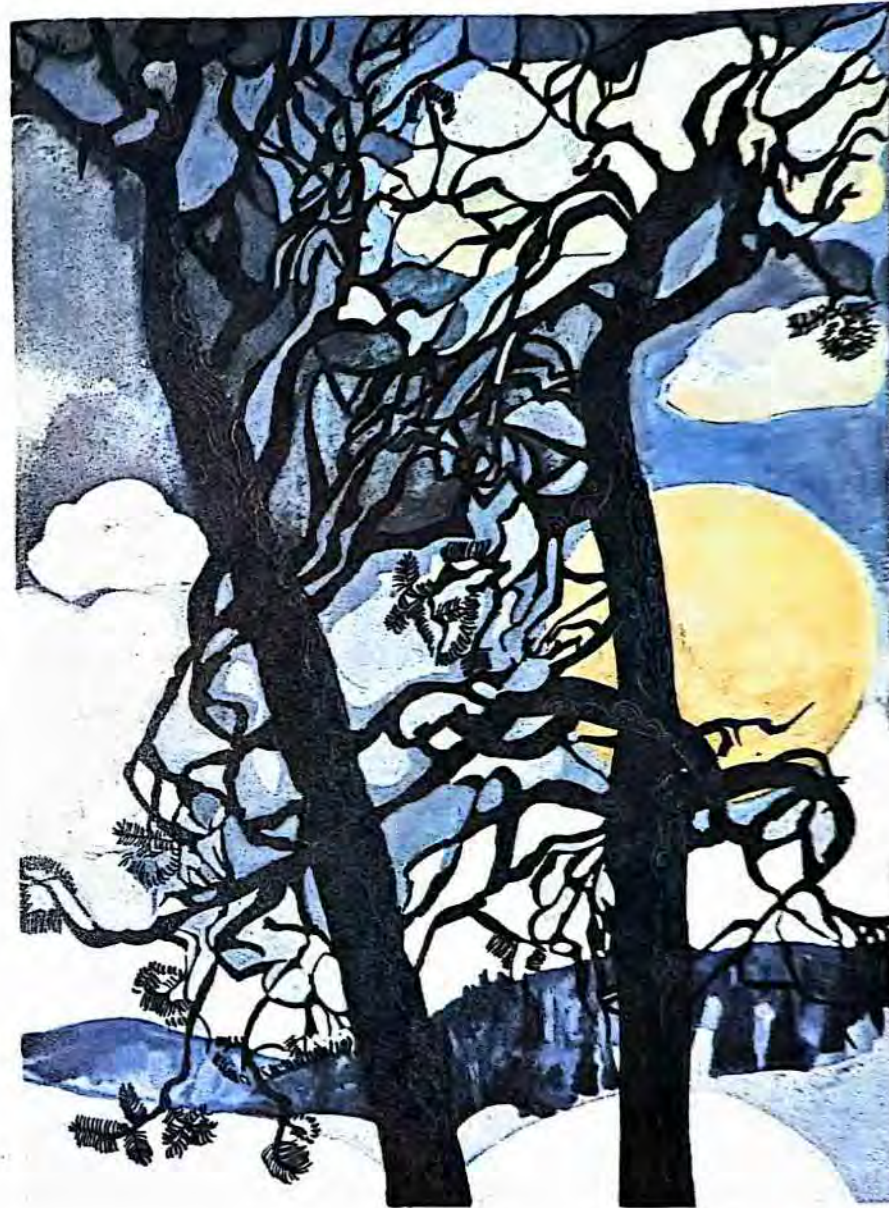
— Лучше пойдём домой, — шепнула Сильвия брату. — Я боюсь этих деревьев.

— Подожди, — сказал Сильвестр. — Чего их бояться! Да вон и отец идёт!

И верно, по лесной тропинке пробирался их отец с топором на плече.

— Вот это деревья так деревья! Как раз то, что мне нужно! — сказал крестьянин, останавливаясь около старых сосен.

Он уже поднял топор, чтобы подрубить сосну — ту, что была постарше, — но Сильвестр и Сильвия вдруг с плачем бросились к отцу.



— Батюшка, — стал просить Сильвестр, — не тронь эту сосну! Это Подопринебо!..

— Батюшка, и эту не тронь! — просила Сильвия. — Её зовут Зацепитучу. Они обе такие старые! А сейчас они пели нам песенку...

— Чего только ребята не выдумают! — засмеялся крестьянин. — Где же это слыхано, чтобы деревья пели! Ну да ладно, пусть себе стоят, раз уж вы за них так просите. Я найду себе и другие.

И он пошёл дальше, в глубь леса, а Сильвестр и Сильвия остались возле старых сосен, чтобы услышать, что скажут им эти лесные великаны.

Ждать им пришлось недолго. В вершинах деревьев снова зашумел ветер. Он только что был на мельнице и так яростно крутил мельничные крылья, что искры от жерновов дождём сыпались во все стороны. А теперь ветер налетел на сосны и принялся бушевать в их ветвях.

Старые ветви загудели, зашумели, заговорили.

— Вы спасли нам жизни! — говорили сосны Сильвестру и Сильвии. — Просите же теперь у нас всё, что хотите.

Но, оказывается, не всегда легко сказать, чего ты больше всего хочешь. Сколько ни думали Сильвестр и Сильвия, а ничего не придумали, словно им и желать было нечего.

Наконец Сильвестр сказал:

— Я бы хотел, чтобы хоть ненадолго выглянуло солнце, а то в лесу совсем не видно тропинок.

— Да-да, и я бы хотела, чтобы поскорее пришла весна и растаял снег! — сказала Сильвия. — Тогда и птицы снова запоют в лесу...

— Ах, что за безрассудные дети! — зашелестели сосны. — Ведь вы могли пожелать столько прекрасных вещей! И богатство, и почести, и слава — всё было бы у вас!.. А вы просите то, что случится и без вашей просьбы. Но ничего не поделаешь, надо выполнить ваши желания. Только мы сделаем это по-своему... Слушай же, Сильвестр: куда бы ты ни пошёл, на что бы ни взглянул, повсюду тебе будет светить солнце. И твоё желание, Сильвия, исполнится: куда бы ты

ни пошла, о чём бы ни заговорила, всегда вокруг тебя будет цвести весна и таять холодный снег.

— Ах, это больше, чем мы хотели! — воскликнули Сильвестр и Сильвия. — Спасибо вам, милые сосны, за ваши чудесные подарки. А теперь прощайте! — И они весело побежали домой.

— Прощайте! Прощайте! — зашумели вслед им старые сосны.

По дороге Сильвестр то и дело оглядывался, высматривая куропаток, и — странное дело! — в какую бы сторону он ни поворачивался, всюду мелькал перед ним луч солнца, сверкая на ветках, словно золото.

— Смотри! Смотри! Солнце выглянуло! — крикнула Сильвия брату.

Но едва успела она открыть рот, как снег кругом начал таять, по обе стороны тропинки зазеленела трава, деревья покрылись свежей листвой, а высоко в синеве неба послышалась первая песня жаворонка.

— Ах, как весело! — воскликнули в один голос Сильвестр и Сильвия.

И чем дальше они бежали, тем теплее светило солнце, тем ярче зеленела трава и деревья.

— Мне светит солнце! — закричал Сильвестр, вбегая в дом.

— Солнце всем светит, — сказала мать.

— А я могу растопить снег! — закричала Сильвия.

— Ну, это каждый может, — сказала мать и засмеялась.

Но прошло немного времени, и она увидела, что в доме что-то неладно. На дворе уже совсем стемнело, наступил вечер, а в избушке у них всё блестело от яркого солнца. И так было до тех пор, пока Сильвестру не захотелось спать и глаза у него не закрылись. Но это ещё не всё! Зиме конца не было видно, а в маленькой хижине вдруг повеяло весной. Даже старый засохший веник в углу и тот начал зеленеть, а петух на своём насесте принялся петь во всё горло. И он пел до тех пор, пока Сильвии не надоело болтать и она не заснула крепким сном.

Поздно вечером вернулся домой крестьянин.
— Послушай, отец, — сказала жена, — боюсь я, не околдовал ли кто наших детей. Что-то чудное делается у нас в доме!

— Вот ещё что придумала! — сказал крестьянин. — Ты лучше послушай, мать, какую новость я принёс. Ни за что тебе не догадаться! Завтра в наш город придут собственными персонами король и королева. Они ездят по всей стране и осматривают свои владения. Как ты думаешь, не отправиться ли нам с детьми посмотреть на королевскую чету?

— Что ж, я не прочь, — сказала жена. — Ведь не каждый день в наши места приезжают такие важные гости.

На другой день чуть свет крестьянин с женой и детьми собрались в путь. Пока ехали, только и было разговоров, что про короля и королеву, и никто не заметил, что всё время солнечный луч бежал перед санями (хотя небо было облажено низкими тучами), а берёзки кругом покрывались почками и зеленели (хотя мороз был такой, что птицы замерзали на лету).

Когда сани въехали на городскую площадь, народу там было уже видимо-невидимо. Все с опаской поглядывало на дорогу и тихонько перешёптывались. Говорили, что король и королева остались недовольны своей страной: куда ни поедешь — повсюду снег, холод, пустынные и дикие места.

Король сразу решил, что во всём виноват его народ, и собирался как следует всех наказать.

Про королеву рассказывали, что она очень замёрзла и, чтобы согреться, всё время топает ногами.

И вот наконец вдалеке показались королевские сани. Народ замер.

На площади король приказал кучеру остановиться, чтобы переменить лошадей. Король сидел, сердито нахмурив брови, а королева горько плакала.

И вдруг король поднял голову, посмотрел по сторонам — туда-сюда — и весело рассмеялся, совсем так, как смеются все люди.



— Взгляните-ка, ваше величество, — обратился он к королеве, — как приветливо светит солнце! Право, здесь не так уж плохо... Мне почему-то даже стало весело.

— Это, наверно, потому, что вы изволили хорошо позавтракать, — сказала королева. — Впрочем, мне тоже стало как будто веселее.

— Это, вероятно, потому, что ваше величество хорошо выпались, — сказал король. — Но, однако, эта пустынная страна очень красива! Посмотрите, как ярко освещает солнце вон те две сосны, что виднеются вдалеке. Да это самое замечательное место во всём моём королевстве! Я прикажу построить здесь дворец!

— Да-да, непременно надо построить здесь дворец, — согласилась королева и даже на минуту перестала топтать ногами. — Вообще здесь совсем не так уж плохо. Повсюду лежит снег, а деревья и кусты покрываются зелёными листьями, как в мае. Это прямо невероятно!

Но ничего невероятного в этом не было. Просто Сильвестр и Сильвия взобрались на изгородь, чтобы лучше разглядеть короля и королеву. Сильвестр вертелся во все стороны — поэтому солнце так и сверкало вокруг; а Сильвия болтала, ни на минуту не закрывая рта, — поэтому даже сухие жерди старой изгороди покрылись свежей листвой.

— Что это за милые дети? — спросила королева, взглянув на Сильвестра и Сильвию. — Пусть они подойдут ко мне.

Сильвестр и Сильвия никогда раньше не имели дела с коронованными особами, поэтому они смело подошли к королю и королеве.

— Послушайте, — сказала королева, — вы мне очень нравитесь. Когда я смотрю на вас, мне становится веселее и даже как будто теплее. Хотите жить у меня во дворце? Я прикажу нарядить вас в бархат и золото, вы будете есть на хрустальных тарелках и пить из серебряных стаканов. Ну что, согласны?

— Благодарим, вас, ваше величество, — сказала Сильвия, — но мы лучше останемся дома.

— Кроме того, во дворце мы будем скучать без наших друзей, — сказал Сильвестр.

— А нельзя ли их тоже взять во дворец? — спросила королева. Она была в отличном расположении духа и несколько не сердилась, что ей возражают.

— Нет, это невозможно, — ответили Сильвестр и Сильвия. — Они растут в лесу. Их зовут Подопринебо и Зацепитучу...

— Что только не придёт в голову детям! — воскликнули в один голос король и королева и при этом так дружно рассмеялись, что даже королевские сани запрыгали на месте.

Король приказал распрягать лошадей, а каменщики и плотники принялись тотчас строить новый дворец.

Как ни странно, на этот раз король и королева были ко всем добры и милостивы. Они никого не наказали и даже распорядились, чтобы их казначей дал всем по золотой монете. А Сильвестр и Сильвия получили вдобавок крендель, который испёк сам королевский пекарь. Крендель был такой большой, что четвёрка королевских коней везла его на отдельных санях.

Сильвестр и Сильвия угостили кренделем всех, кто был на площади, и всё-таки их лошадёнка едва дотащила крендель до дому.

Когда Сильвестр и Сильвия улеглись спать, жена крестьянина шепнула мужу:

— А ты знаешь, почему король и королева были сегодня так милостивы? Потому что Сильвестр и Сильвия смотрели на них и разговаривали с ними. Вспомни-ка, что я тебе вчера говорила!

— Это про колдовство-то? — сказал крестьянин. — Пустое!

— Да посуди сам, — не унималась жена, — где это видано, чтобы зимой распускались деревья и чтобы король и королева никого не наказали? Уж поверь мне, тут не обошлось без колдовства!

— Всё это бабьи выдумки! — сказал крестьянин. — Просто дети у нас хорошие — вот все и радуются, на них глядя!

И верно, куда бы Сильвестр и Сильвия ни пришли, с кем бы ни заговорили, у всех на душе сразу делалось теплее и светлее. А так как Сильвестр и Сильвия всегда были веселы и приветливы, то никто и не удивлялся, что они доставляют всем радость. Всё вокруг них цвело и зеленело, пело и смеялось.

Пустынные земли вокруг избушки, где жили Сильвестр и Сильвия, превратились в богатые пашни и луга, и в лесу даже зимой пели весенние птицы.

Вскоре Сильвестр был назначен королевским лесничим, а Сильвия — королевской садовницей.

Ни у одного короля ни в одном королевстве не было никогда такого чудесного сада. Да и не мудрено! Ведь ни один король не мог заставить солнце слушаться его приказаний. А Сильвестру и Сильвии солнце светило всегда, когда они хотели. Поэтому в саду у них всё цвело так, что любо было смотреть!

* * *

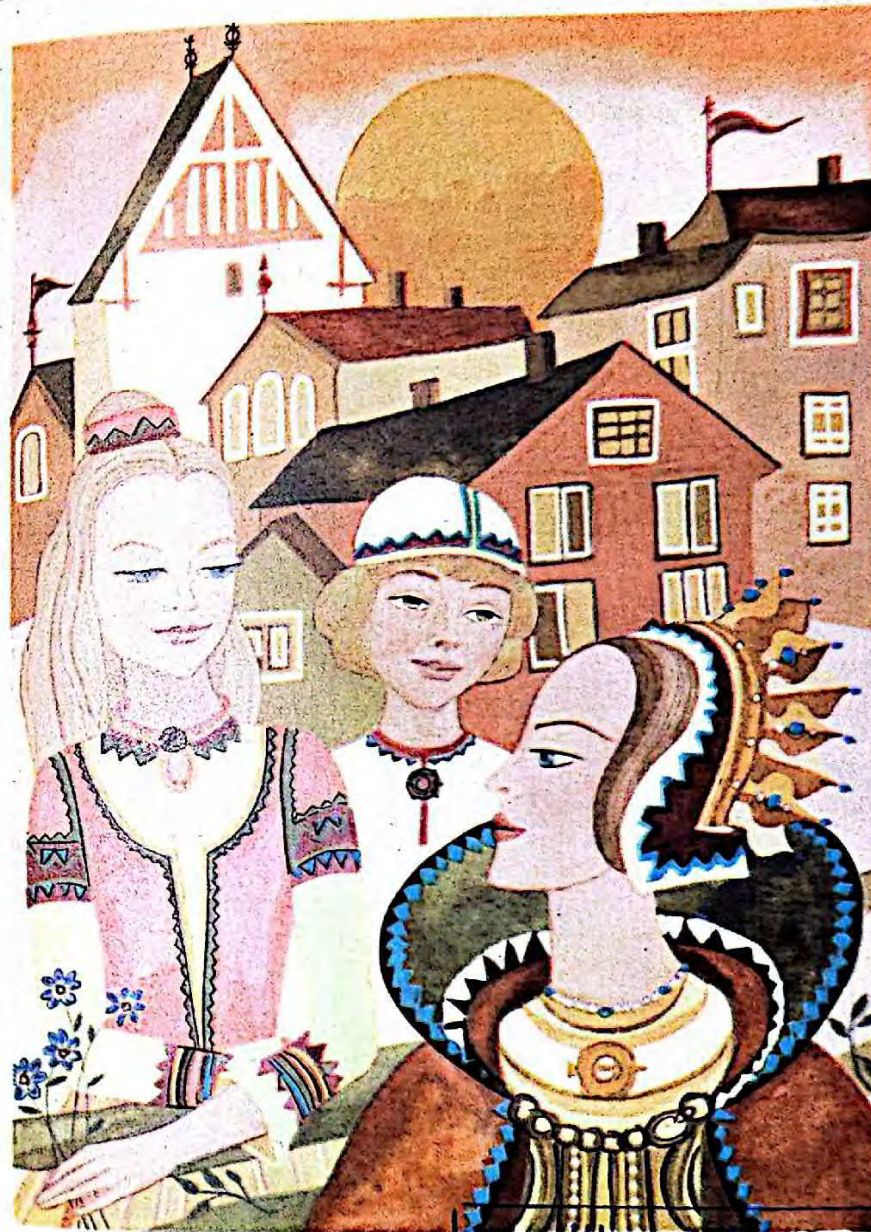
Прошло несколько лет.

Однажды глухой зимней порой Сильвестр и Сильвия пошли в лес, чтобы навестить своих друзей.

В лесу бушевала буря, в тёмных вершинах сосен гудел ветер, и под его шум сосны пели свою песню:

Стоим, как бывало, крепки и стройны.
То выпадет снег, то растает...
И смотрим два друга, две старых сосны,
Как снова сменяется зелень весны
Снегами белей горностая,
Как тучи проходят, дождями полны,
И птички проносятся стаи.

Сосновая хвоя свежа и густа —
Завидуйте, вяза и клёны!
Зима не оставит на вас ни листа —
Развеет наряд ваш зелёный!



Но вечная соснам дана красота,
В подземные недра ушла их пята,
А в небо — высокая крона.

Пускай непогода бушует кругом —
Сосну не повалит ни буря, ни...

Но не успели они допеть свою песню, как внутри стволов что-то затрещало, закрипело, и обе сосны повалились на землю. Как раз в этот день младшей исполнилось триста пятьдесят пять лет, а старшей — триста девяносто три года. Что же тут удивительного, что ветры наконец их осилили!

Сильвестр и Сильвия ласково потрепали седые, поросшие мхом стволы мёртвых сосен и такими добрыми словами помянули своих друзей, что снег кругом начал таять и розовые цветы вереска выглянули из-под земли. И так много их было, что скоро они закрыли старые сосны от самых корней до самых вершин.

Давно уже я ничего не слышал о Сильвестре и Сильвии. Наверно, теперь они сами состарились и поседели, а короля и королевы, которых все так боялись, и вовсе нет на свете.

Но каждый раз, когда я вижу детей, мне кажется, что это Сильвестр и Сильвия.

А может быть, старые сосны одарили своими чудесными дарами всех детей, что живут на свете? Может быть, и так.

Недавно, в зимний ненастный день, мне встретились мальчик и девочка. И сразу в сером тусклом небе словно замелькал луч солнца, всё кругом посветлело, на хмурых лицах прохожих появилась улыбка...

Вот тогда среди зимы вдруг наступает весна. Тогда и лёд начинает таять — на окнах и в сердцах людей. Тогда даже старый веник в углу покрывается свежими листьями, на сухой изгороди расцветают розы, а под высоким сводом неба поют весёлые жаворонки.

Сампо- Лопарёнок



или-были когда-то лопарь и лопарка,
муж и жена.

А знаешь ли ты, что за народ лопари и где они живут?

Вот послушай, сейчас я тебе расскажу.

Живут лопари далеко на севере — севернее, чем шведы, норвежцы и финны.

Если ты взглянешь на большую карту, ты увидишь: как будто белый колпак надет на голову Финляндии. Вот это и есть страна, где живут лопари. Называется она Лапландия.

Удивительная это страна! Полгода там не заходит солн-

це, и тогда ночью, так же как днём, совсем светло. А потом полгода длится непрерывная ночь, и тогда даже днём на небе сверкают звёзды.

Зима там тянется долгих десять месяцев — почти весь год. — а на весну, лето и осень остаётся всего только два месяца.

Но лопари не боятся зимы. Пусть хоть круглый год держится санный путь! Все они — и взрослые и маленькие — где угодно проедут в своих небольших, лёгких, похожих на лодочки санях. И в упряжке там ходят не лошади, а олени.

Ты видел когда-нибудь северного оленя? Он напоминает низкорослую лошадку, шерсть у него серая, шея короткая, а его голову с большими ясными глазами украшают ветвистые рога. И когда олень бежит, кажется, будто ветер проносится по горам и холмам, взметая снежные тучи.

А знаешь ли ты, из чего делают лопари свои дома? Не из дерева и не из камня, а из оленьих шкур.

Построить такой дом очень просто: надо взять несколько длинных, тонких жердей, воткнуть их в снег, потом верхние концы связать вместе и покрыть оленьими шкурами. Вот и всё. Жилище готово. И называется оно не дом, не изба, а чум. Вверху оставляют небольшое отверстие — оно заменяет в чуме печную трубу. Когда в очаге разводят огонь, через это отверстие дым вытягивает наружу. Внизу, с южной стороны, тоже оставляют отверстие — оно служит дверью, через него можно забраться в чум и выбраться из него.

Вот как живут лопари! Вот какая это страна!

А теперь начнём сказку сначала.

Жили-были в Лапландии муж и жена, лопарь и лопарка. Они жили в местечке Аймио, на берегу реки Теноэки.

Место это пустынное и дикое, но лопарю и его жене оно нравилось. Они были уверены, что нигде больше нет такого белого снега, таких ясных звёзд и такого красивого северного сияния, как в Аймио. Здесь они построили себе чум.

Чум получился очень хороший — так, по крайней мере, думали лопарь и лопарка. В нём было тепло и удобно, хотя спать надо было прямо на полу.

У лопаря и лопарки был маленький мальчик, которого звали Сампо. Но у него было ещё другое имя.

Вот как это получилось.

Однажды к чуму подъехали какие-то чужие люди в огромных, неуклюжих шубах. Они привезли твёрдые белые кусочки снега. Такого снега лопари никогда раньше не видели. Этот твёрдый снег назывался сахаром. Он был очень вкусный и очень сладкий. Приезжие люди дали несколько кусочков сладкого снега Сампо, потрепали его по щеке и сказали: «Лопарёнок! Лопарёнок!». Больше они ничего не могли сказать, потому что никто из них не умел говорить по-лопарски. Потом они уехали. Старой лопарке очень понравились эти люди. Она часто вспоминала сладкий снег, который они привозили, и даже стала называть сына так же, как они, — Лопарёнок.

Но старому лопарю это было не по душе.

— Разве Сампо плохое имя? — говорил он с досадой. — По-моему, это самое красивое имя. И оно ещё принесёт нашему сыну счастье и богатство. Вот увидишь, старуха, наш Сампо будет когда-нибудь первым человеком в Лапландии, повелителем пятидесяти чумов и хозяином тысячи оленей.

— Очень может быть, — говорила лопарка. — Но, по-моему, и Лопарёнок неплохое имя.

И она называла сына Лопарёнком, а отец называл его Сампо. Поэтому мы будем называть его Сампо-Лопарёнком.

Сампо-Лопарёнок был крепкий, коренастый мальчуган. У него были чёрные волосы, чёрные глаза и маленький вздёрнутый нос. Словом, он как две капли воды походил на своего отца, а старый лопарь слыл среди земляков первым красавцем.

Сампо-Лопарёнку было всего семь лет, но не всякий и в пятнадцать бывает таким смелым и ловким. У него были свои собственные маленькие лыжи, на которых он, не задумываясь, съезжал с самого крутого холма, и свой собственный маленький олень, которого он запрягал в свои собственные сани.

Ты бы видел, какой поднимался снежный вихрь, когда Сампо нёсся на своём олене по высоким сугробам! Вниз — вверх! Вверх — вниз! Маленького Лопарёнка совсем не было видно, и только изредка в снежных облаках мелькала прядка его чёрных волос.

— Нехорошо, что мальчик ездит один куда ему вздумается, — сказала как-то мужу старая лопарка. — Того и гляди, на него нападут в горах волки или, ещё того хуже, золоторогий олень. Не было ещё человека, который мог бы справиться с золоторогим оленем.

— Вот бы мне такого оленя! — воскликнул Сампо-Лопарёнок. — На нём, наверно, даже на Растекайс можно взобраться!

А надо тебе сказать, что Растекайс — самая высокая, самая неприступная гора во всей Лапландии, и её голая вершина видна далеко кругом.

— Перестань болтать глупости! — прикрикнула лопарка на сына. — Растекайс — пристанище всякой нечистой силы. Там живёт сам Хийси.

— Хийси? А кто это такой? — спросил Сампо-Лопарёнок.

«Ничего-то он не пропустит мимо ушей, — подумала старая лопарка. — Пожалуй, не нужно было говорить ему про Хийси... А может, это к лучшему! Не мешает немного припугнуть его, чтобы отбить охоту ездить на Растекайс. Очень уж он смелый!»

И она сказала:

— Хийси — это горный король, страшный, злой великан. Целый олень для него всё равно, что для нас один кусочек мяса, а маленьких мальчиков он глотает сразу пригоршнями. Я бы не советовала тебе взбираться на Растекайс.

Сампо ничего не сказал. Но про себя подумал:

«Вот бы посмотреть на этого Хийси! Издали, конечно!»

Было самое тёмное время года — ни утра, ни дня, ни вечера, всегда бесконечная ночь, всегда светит луна, всегда горят звёзды, и на тёмном небе полыхает северное сияние.

Сампо так давно не видел солнца, что даже забыл, какое оно — солнце.



А когда отец и мать говорили о лете, он только и мог вспомнить, что летом очень много комаров и они такие злые, что готовы съесть его живьём.

«Пусть бы совсем не было лета,—думал Сампо,—только бы стало немного светлее! А то в темноте так трудно ходить на лыжах!»

И вот однажды в полдень (хотя темно было так же, как в полночь) старый лопарь позвал сына:

— Поди-ка скорей сюда, Сампо, я хочу тебе показать кое-что.

Сампо выполз из чума.

— Посмотри вон в ту сторону,—сказал отец и показал рукой на юг.

Далеко-далеко, на самом краю неба, Сампо увидел узенькую красную полосу, очень похожую на красноватые отблески северного сияния.

— Знаешь ли ты, что это такое?—спросил лопарь.

— Это южное сияние,—ответил Сампо.

Он прекрасно знал, где находится север и где юг, и сразу рассудил, что на юге не может быть северного сияния.

— Нет,—сказал старый лопарь,—это не южное сияние. Это предвестник солнца. Завтра или послезавтра оно взойдёт. Да ты только погляди, как красиво освещена вершина Растекайса!

Сампо повернулся на запад: мрачная, тёмная вершина Растекайса алела, точно выкрашенная красной краской. И он снова подумал: «Ах, как хорошо было бы посмотреть сейчас на великана Хийси! Издали, конечно!»

Но он ничего не сказал.

Весь этот день и полночи Сампо-Лопарёнок только и думал о великане Хийси. Он даже не мог спать.

«Если бы хоть раз увидеть горного короля! Один только раз!»

Он думал и думал и наконец потихоньку выбрался из-под оленьих шкур и выполз из чума.

Мороз стоял такой, что всё кругом так и сверкало, а снег под ногами скрипел от каждого шага.

Но Сампо-Лопарёнок холода не боялся. На нём была меховая куртка, меховые штаны, меховые сапоги, меховая шапка и меховые рукавицы. А когда на тебе такой наряд, никакой мороз не страшен!

Сампо-Лопарёнок стоял около чума и смотрел на звёзды, которые яркими огнями горели в небе. И вдруг он услышал, как его маленький олень скребёт копытом снег.

«А что если я немного покатаюсь?»—подумал Сампо-Лопарёнок.

Он так и сделал: запряг оленя в свои санки и помчался по огромному пустынному снежному полю.

«А не поехать ли мне в сторону Растекайса?—опять подумал Сампо.—Конечно, на самую гору я не буду взбираться, а только посмотрю, какая она вблизи».

Решено—и сделано.

Сампо-Лопарёнок погнал своего оленя через замёрзшую реку. С берега—вниз, на лёд! А потом—вверх, на другой берег! А потом всё дальше и дальше на запад, туда, где высится тёмная вершина Растекайса...

Вот сейчас ты читаешь эту сказку про маленького Сампо. А знаешь ли ты песенку: «Беги, мой оленёнок...»? Эту песенку пел Сампо в то время, когда олень мчал его по снежным холмам:

Беги, мой оленёнок
С ветвистыми рогами,
По тундре, занесённой
Пушистыми снегами,
И лёд пусть будет звонок
Под быстрыми ногами!
Скорей!

Здесь выюги строят
Высокие сугробы.
Скорей!

Здесь волки воют
От голода и злобы...
Скорей, олень, скорей!

И верно, волки, точно серые собаки, уже бежали за сани. Сампо видел, как в темноте горят у них глаза.

Но он нисколько не боялся волков. Он знал, что никогда волкам не догнать его доброго оленя.

Весёлая это была езда! С холма на холм, всё вперёд и вперёд! У Сампо даже в ушах свистело. Копытца оленя дробно постукивали, месяц в небе мчался с ним вперегонки, а высокие горы двигались навстречу.

И вдруг — раз! — сани перевернулись, и Сампо-Лопарёнок кубарем покатился в снег.

Олень, не чуя беды, бежал всё дальше, а Сампо даже не мог крикнуть: «Тпрру!» — потому что рот у него был забит снегом (правда, так кричат, чтобы остановить лошадь, а не оленя, но это неважно).

Прошло немало времени, пока Сампо-Лопарёнок выкарабкался из сугроба.

Сначала всё происшествие показалось ему даже забавным. И в этом нет ничего удивительного: он был цел, не вредим и совсем не ушибся.

Сампо-Лопарёнок огляделся по сторонам.

Всюду снег, снег, снег, снежные поля, снежные горы... Одна гора была выше всех, и Сампо догадался — это Растекайс. Длинная чёрная тень от неё падала на снег.

Вот здесь, на этой горе, живёт злой великан Хийси. Целый олень для него — то же, что для нас кусочек мяса, а маленьких мальчиков он глотает пригоршнями.

Ах, как страшно стало Сампо-Лопарёнку! Как захотелось ему быть подальше от этой горы, в тёплом чуме, около отца с матерью!

Но как добраться до дому? Ведь пока он будет искать дорогу, горный король увидит его и проглотит, словно жалкого, маленького комара.

Сампо-Лопарёнок даже заплакал от страха.

Но посуди сам: стоит ли плакать, если слёзы сразу же замерзают и, точно горошины, скатываются по мохнатой куртке? Сампо-Лопарёнок подумал и решил, что не стоит, тем более что мороз с каждой минутой прохватывал его

всё сильнее и ему приходилось приплясывать на месте, чтобы не замёрзнуть. А какие же могут быть слёзы, когда пляшешь!

Скоро Сампо-Лопарёнок немного согрелся и повеселел.

«Пойду-ка я к горному королю, — подумал он. — Если он захочет меня съесть — что ж, пусть ест. Конечно, было бы гораздо приятнее, если бы он съел волков, которые здесь рыщут. Они пожирнее, чем я, да и, кроме того, на мне ведь столько всего надето — и куртка, и штаны, и шапка, и рукавицы, и сапоги, — а у волка всего одна шкура!»

И Сампо-Лопарёнок смело зашагал к Растекайсу. Он уже был у самого подножия горы, как вдруг услышал, что кто-то за его спиной тихо ступает по снегу.

Сампо-Лопарёнок оглянулся. В двух шагах от него стоял огромный косматый волк.

Маленькое сердечко Сампо забило сильнее, но он и виду не показал, что испугался.

— Эй, не вздумай съесть меня! — крикнул он волку. — Я иду к горному королю. У меня к нему очень важное дело. И, если тебе дорога шкура, советую не трогать меня!

— Ну-ну, потише! — сказал волк (на Растекайсе все звери умеют говорить по-человечьи). — Кто ты такой?

— Меня зовут Сампо-Лопарёнок. А ты кто такой?

— Я вожак волчьей стаи его величества горного короля, — ответил волк. — Сейчас я рыскал по всем горам и равнинам и созывал подданных короля на праздник ночи. Раз уж нам с тобой по дороге, садись ко мне на спину, я, так и быть, довезу тебя до вершины.

Сампо-Лопарёнок не стал долго раздумывать. Он вскочил на волка, и они помчались через горные ущелья и пропасти.

— Скажи, пожалуйста, что это за праздник ночи, о котором ты говорил? — спросил по дороге Сампо.

— Неужели ты не знаешь? — удивился волк. — Сегодня ведь должно взойти солнце. Перед его восходом на Растекайсе собираются все звери, все тролли и гномы, какие только живут на Севере. Они сходятся сюда для того, что-

бы проститься с ночью. И пока длится этот праздник, никто никого не смеет обижать. Таков закон его величества горного короля Хийси. Потому-то я и не съел тебя. Твоё счастье, Сампо-Лопарёнок, что мы встретились в такой час, а то от тебя не осталось бы даже косточки.

— А что, горный король тоже никого сейчас не трогает? — спросил Сампо-Лопарёнок.

— Ну конечно, — ответил волк. — Никто, даже сам король, не посмеет тронуть тебя. Целый час на Растекайсе царит мир. Олени в это время разгуливают под носом у медведей, горные крысы мирно беседуют с росомахами... Но плохо тебе придётся, если ты останешься на Растекайсе хоть одну лишнюю минуту! Сто тысяч волков и тысяча медведей набросятся на тебя. А если ты даже уйдёшь от них, тебе всё равно не уйти от горного короля.

— Милый волк, не будешь ли ты таким добрым и не поможешь ли мне вовремя выбраться отсюда? — робко спросил Сампо-Лопарёнок.

Волк рассмеялся (на Растекайсе все волки умеют смеяться).

— Даже не надейся на это, мой дорогой Сампо! — сказал он. — Признаюсь тебе по совести, я первый схвачу тебя за горло. Я вижу, что ты неплохо откормлен, и я с удовольствием съем тебя на завтрак, когда праздник кончится.

«Не лучше ли мне вернуться назад?» — подумал Сампо.

Но было слишком поздно. Они уже взобрались на самую вершину Растекайса.

Так вот он какой, этот горный король! Сампо глядел на него во все глаза.

Горный король сидел на троне из каменных скал и высоко посматривал на своих подданных.

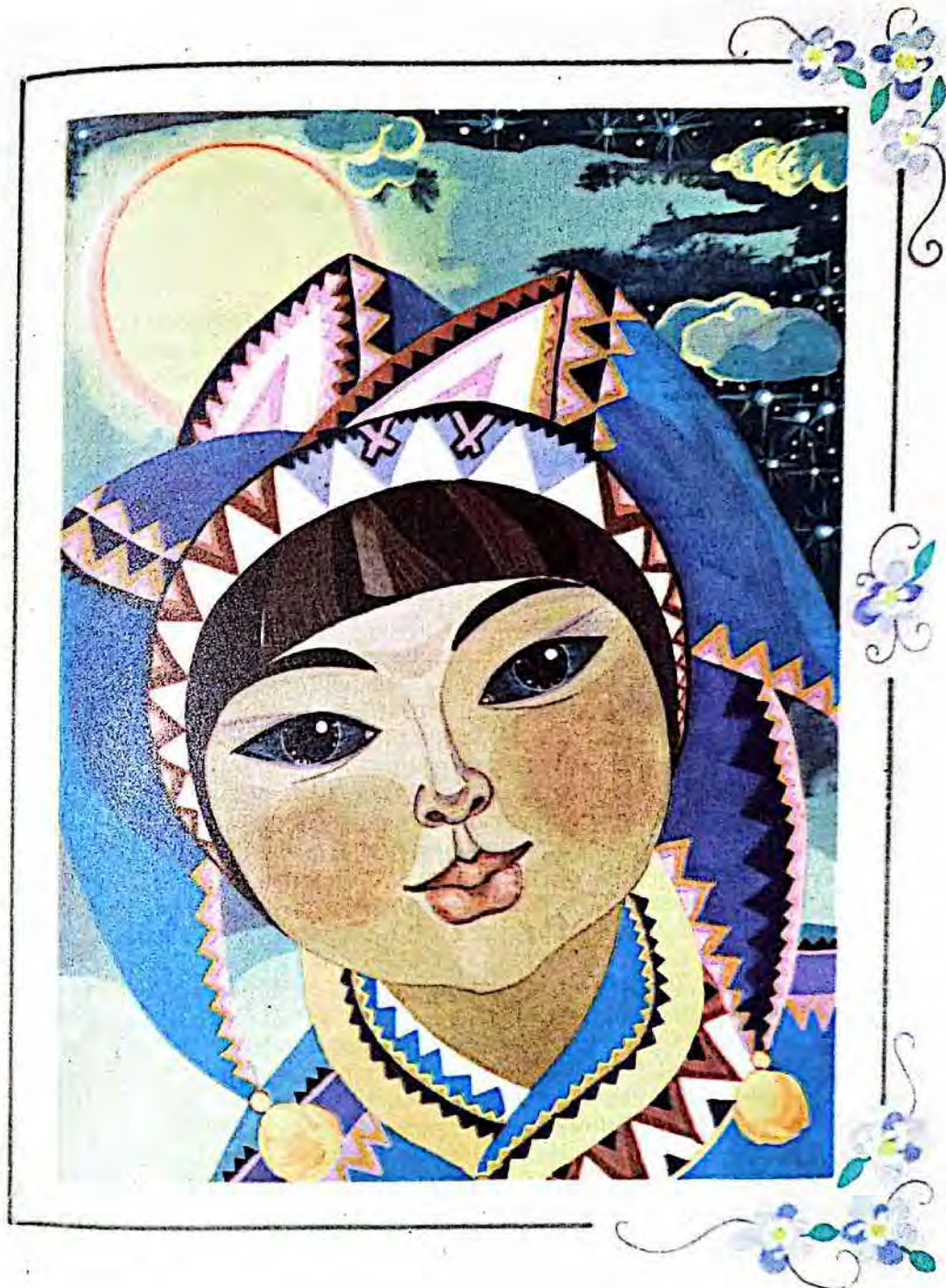
На голове у него была шапка из снежного облака.

Глаза у него были как две полные луны.

Нос его был похож на горную вершину.

Рот его был как расселина в скале.

Борода его была как застывший водопад.



Руки его были длинные и толстые, как стволы горных сосен.

Пальцы его были цепкие, как еловые ветки.

Ноги его были как утёсы.

Шуба его была как снежная гора.

Вот какой был горный король Хийси!

А если ты спросишь — неужели Сампо-Лопарёнок мог в ночной темноте разглядеть горного короля? — я отвечу тебе: снег внизу так блестел, а вверху в небе играло такое яркое северное сияние, что всё было видно, будто днём.

Возле горного короля толпились тысячи гномов и троллей.

Ты знаешь, какие они?

С головы до пят они совсем серые: у них серые волосы, серые носы, серые глаза, серые щёки, серые руки, серые ноги... И они такие маленькие, что следы их ног на снегу легко принять за белышья.

Сейчас гномы и тролли собрались на вершину Растекай-са со всего света, отовсюду, где царит мрак и холод, — с Новой Земли и Шпицбергена, из Исландии, из Гренландии и даже с Северного полюса. Все они очень боялись солнца и были бы рады, если бы солнце никогда не всходило. Раз уж оно зашло за пустынные горы, пусть там и остаётся!

Немного поодаль от королевского трона выстроились все звери — большие и маленькие, — какие только водятся в Лапландии: тут были свирепые медведи и коварные волки, хитрые росوماхи и кроткие олени, пронырливые горные крысы и бойкие олени блохи. Только комары не явились на праздник — они так замёрзли, что не могли даже шевельнуть крыльшками.

Сампо-Лопарёнок слез потихоньку со спины волка и спрятался за высоким выступом скалы. Отсюда ему было всё отлично видно, а его самого не видел никто.

Вот горный король тряхнул головой — и сразу в синем ночном небе ещё сильнее запылало северное сияние. Оно охватило весь небосвод длинными бледно-красными лучами. В воздухе послышался треск и гудение, словно загорелся

лес и огонь с шумом взбегал по стволам сосен. Северное сияние то разгоралось, то угасало, то ярко вспыхивало, то бледнело, как будто ветер порывами проносился над снежными горами.

Горный король был очень доволен. Он ударил в ладоши, и в ответ ему загрохотали глухие раскаты горных обвалов, а эхо повторило их в глубоких ущельях.

Гномы и тролли завизжали от радости, а звери завyli от страха.

И вдруг над землёй раздался громовой голос горного короля:

— Солнце не смеет больше показываться! Так я хочу! Так будет! Так должно быть!

И послушное эхо повторило его слова:

— Так будет! Так должно быть!

Гномы и тролли страшно обрадовались.

— Да здравствует вечная тьма и вечный холод! — кричали они изо всех сил. — Так хочет король! Так будет! Так должно быть!

Но тут среди зверей поднялся глухой ропот. Волки и медведи были, пожалуй, согласны, чтобы вечный мрак и вечная тьма царили на земле. Горные крысы были того же мнения. А северные олени и другие звери ничего не имели против лета, хотя лапландские комары порядком изводили их в летние месяцы.

Что же касается маленькой оленьей блохи, то она решительно запротестовала против вечной зимы и вечной ночи.

— Как же так? — пропищала блоха и подпрыгнула повыше, чтобы все её видели. — Как же так? Ведь мы собрались здесь, на Растекайсе, чтобы проститься с ночью...

— Замолчи, жалкая тля! — заревел белый медведь. — Сегодня у нас праздник не такой, как всегда! Сегодня у нас будет настоящее веселье! Солнце никогда больше не взойдёт! Солнце погасло! Солнце умерло!

— Солнце погасло! Солнце умерло! — завyli волки, и даже ледяные горы и каменные скалы содрогнулись от ужаса.

А тролли и гномы с Северного полюса принялись прыгать и хлопать в ладоши.

И снова над пустынной землёй прогремел голос горного короля:

— Знайте все — солнце погасло! Солнце умерло! Всё живое на земле будет теперь поклоняться мне — королю вечной зимы и вечной ночи!

Тут уж Сампо-Лопарёнок не мог выдержать — он вышел из своего убежища и, задржав голову, крикнул:

— Ты лжёшь, горный король! Ты лжёшь! Солнце не умерло! Я сам видел вчера на небе его гонцов! Солнце взойдёт! И твоя борода растает, как только солнечные лучи покажутся над землёй. Вот увидишь!

Это была неслыханная дерзость. Горный король весь потемнел от гнева. Чёрные тучи сошлись над его головой.

— Кто ты такой? Как смеешь ты со мной спорить? — страшным голосом спросил горный король.

— Почему же мне не спорить с тобой, если ты говоришь неправду? — сказал Сампо-Лопарёнок. — А если ты хочешь знать, как меня зовут, — изволь, я скажу тебе: отец зовёт меня Сампо, а мать...

Но горный король не дослушал его:

— Для того, чтобы проглотить тебя, мне достаточно знать, как зовёт тебя отец!

И, забыв свой собственный закон, горный король протянул огромную ручищу, чтобы раздавить Сампо-Лопарёнка.

Но тут вдруг северное сияние померкло и яркий красный луч ударил прямо в ледяное лицо горного короля.

Горный король зажмурился и опустил руку.

И тогда все увидели, что золотой край солнца стал медленно и торжественно подниматься над землёй.

Солнце осветило горные хребты, ущелья, снежные пустыни, заледеневшие сугробы, осветило всех гномов и троллей, всех больших и маленьких зверей и храброго Сампо-Лопарёнка.

Солнце весело посмотрело всем в глаза, заглянуло во все сердца. И всем почему-то стало весело. Даже тролли и гно-

мы с Северного полюса, которые больше всех хотели, чтобы солнце умерло, и те вдруг обрадовались, когда оно взошло. Правда, они всё время отворачивались от солнца, но это было одно притворство. И дело кончилось тем, что на радостях они стали кувыркаться и ходить вверх ногами.

Даже горный король со страхом заметил, что у него самого оттаивает сердце. Но — что было ещё хуже — начала таять его борода, и скоро она быстрыми ручьями побежала по его снеговой шубе.

Трудно сказать, сколько прошло времени с тех пор, как взошло солнце, — никто об этом не думал, даже Сампо-Лопарёнок.

И вдруг он услышал, как за его спиной олень сказал своему детёнышу:

— Пойдём, сын мой! Пора! Надо скорее уходить отсюда, пока волки не смеют нас тронуть!

Тут и Сампо-Лопарёнок вспомнил, какая опасность грозит ему, если он останется на Растекайсе хотя бы одну лишнюю минуту.

Он поглядел по сторонам — олени уже почти все ушли.

И вдруг он увидел великолепного оленя с чудесными золотыми рогами. Недолго думая, Сампо-Лопарёнок вскочил на него верхом, и они понеслись во весь дух вниз по крутому склону горы.

В другое время золоторогий олень ни за что не позволил бы человеку сесть себе на спину, но сейчас он не обратил на это никакого внимания.

— Что это за топот слышен позади нас? — спросил Сампо-Лопарёнок, когда они были на середине горы.

— Это тысяча медведей гонится за нами, чтобы растерзать нас на куски, — ответил золоторогий олень. — Но не бойся, ещё ни одному медведю не удавалось схватить меня за копыто!

И он мчался через обрывы и пропасти — всё вперёд и вперёд.

— Кто так громко пыхтит позади нас? — спросил Сампо-Лопарёнок, когда они были у самого подножия горы.

— Это сто тысяч волков гонятся за нами, чтобы съесть нас живьём, — ответил золоторогий олень. — Но не бойся, ещё не было на земле волка, который бы догнал меня! — И он понёсся так быстро, что его копыта едва касались земли.

— Что это за гром гремит позади нас? — опять спросил Сампо-Лопарёнок. — Может быть, это горы обвалились?

— Нет, — ответил золоторогий олень, и каждая жилка у него задрожала. — Это сам горный король шагает семимильными шагами вдогонку за нами. Теперь мы пропали. От него никто не может уйти!

— Милый золоторогий олень, давай спрячемся где-нибудь, — сказал Сампо-Лопарёнок.

— Нет, — ответил золоторогий олень, — от горного короля нельзя спрятаться. Но если мы успеем добежать до озера, где стоит домик школьного учителя, — мы спасены. Горный король не имеет власти над тем, кто сильнее его.

— Да разве школьный учитель сильнее горного короля? — удивился Сампо-Лопарёнок. — Ведь горный король может раздавить его одним пальцем.

— Это верно, — сказал золоторогий олень. — Но дело в том, что школьный учитель совсем не боится горного короля, поэтому-то он и сильнее его.

— Так мчись же, мой добрый золоторогий олень, скорее мчись по горам и долам, и, когда мы вернёмся домой, я накормлю тебя золотым овсом из серебряных яслей!

Но золоторогого оленя не надо было просить, он и так бежал быстрее быстрого — не бежал, а летел.

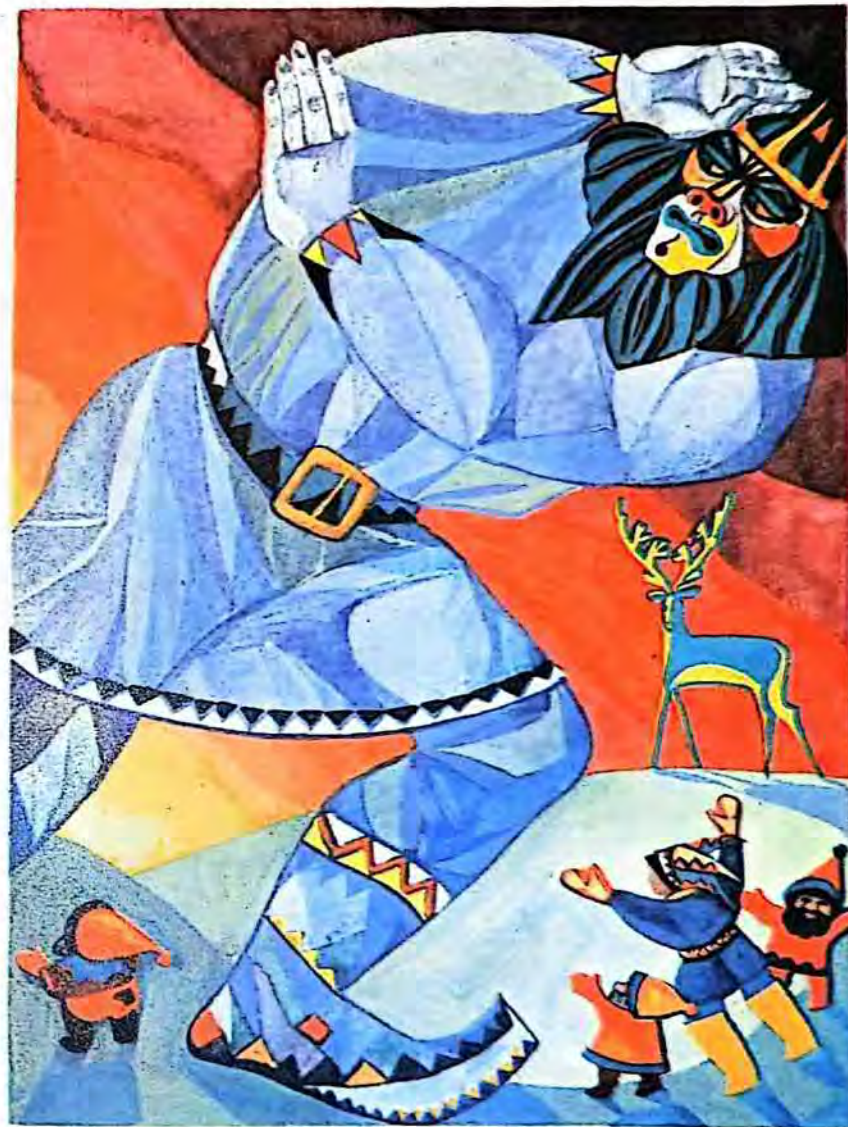
Вот уже показался домик учителя...

Одним прыжком золоторогий олень перемахнул через ограду, ударом копыта открыл дверь и без сил упал на пороге...

Едва только дверь захлопнулась, как горный король уже бушевал во дворе. Он так колотил по стенам и крыше, что, казалось, весь домик сейчас разлетится в щепы.

А учитель как ни в чём не бывало подошёл к двери и спокойно спросил:

— Кто там стучит?



— Ты ещё спрашиваешь, кто стучит? — закричал горный король. И от его страшного голоса затряслась земля, а домик пошатнулся. — Это я! Отворяй дверь горному королю! У тебя тут спрятался мальчишка, который посмел спорить со мной! Давай его сюда! Я его сейчас проглочу!

— Ах, ваше величество, вам придётся немного подождать, — вежливо сказал учитель. — Я должен надеть свой парадный костюм и повязать галстук, чтобы достойно встретить такого высокого гостя.

— Ладно уж! — прогремел горный король. — Да смотри поторопливайся, а не то я тебя тоже проглочу, хоть ты и без галстука!

— Нет-нет, как можно, ваше величество! — воскликнул учитель. — Я непременно должен повязать галстук!

Потом он поманил Сампо-Лопарёнка к себе и тихо спросил:

— Откуда ты, малыш? Я никогда раньше не видел тебя в школе.

— А я никогда раньше и не бывал в школе, — ответил Сампо-Лопарёнок. — Я живу на берегу реки Теноёки.

— Как же ты попал сюда? — удивился учитель.

— Видите ли, я был на вершине Растекайса, — сказал Сампо-Лопарёнок, — и мы с горным королём поспорили. Он сказал, что солнце никогда больше не взойдёт, а я сказал, что оно непременно взойдёт! И я был прав. Но всё-таки горный король почему-то хочет меня съесть.

— Это, конечно, несправедливо, — сказал учитель. — А скажи мне, как тебя зовут?

— Мать зовёт меня Лопарёнком, а отец...

Но в это время стены домика снова зашатались.

— Ну, скоро ли ты будешь готов? — прогремел горный король.

— Сейчас, сейчас, ваше величество! — ответил учитель.

А сам подошёл к печке, которая почти совсем погасла, и подбросил несколько поленьев. Пламя мигом вспыхнуло, и жаркий огонь загудел в трубе.

— Эй, ты! — заревел горный король. — Советую тебе поспешить, а не то я растопчу сейчас твой дом!

И он уже занёс ногу над крышей, но сразу же отдернул, потому что из трубы посыпались искры, и великан так обжёг себе пятку, что чуть не завыл от боли.

Тут как раз дверь отворилась и вышел учитель.

Шея у него была повязана самым лучшим — в красную горошину — галстуком, а в руках у него была яркая лампа. Он поднял лампу как можно выше и почтительно сказал:

— Прошу простить меня, ваше величество, что я заставил вас ждать.

Но горный король не дал ему кончить.

— Как ты смеешь светить мне в глаза — мне, королю вечного мрака! — закричал великан и покрепче зажмурился. — Где мальчишка? Я спрашиваю, где мальчишка, который осмелился со мной спорить? Его зовут Сампо.

— Сампо? Простите, ваше величество, но здесь нет такого мальчика. Если хотите, вы можете сами поглядеть. — И он ещё выше поднял лампу.

— Что? Ты, кажется, тоже вздумал спорить со мной! — загремел горный король.

И он протянул свою страшную ручищу, чтобы схватить учителя. Но так как он очень боялся лампы, то открыть глаза он не решался. Поэтому учителю ничего не стоило увернуться от горного короля. Он ушёл, можно сказать, прямо у него из-под рук.

Тут уж горный король разбушевался не на шутку. Он топал ногами, тряс головой и в конце концов разразился такой метелью, что в один миг весь домик был занесён снегом до самой крыши. Только кончик трубы высывался ещё наружу, но скоро и он скрылся.

Когда горный король приоткрыл глаза, кругом был мрак, холод и снег...

— Ну-ка теперь поспорь со мной! — закричал горный король и, прихрамывая, зашагал к себе на Растекайс.

С тех пор никто никогда не встречал горного короля. Видно, он не решается больше спускаться с вершины Растекайса.

А наутро взошло солнце, снег растаял, и маленький домик учителя снова стоял как ни в чём не бывало. Сампо-Лопарёнок поблагодарил учителя и стал собираться в путь.

Учитель дал ему свои сани, Сампо-Лопарёнок запряг в них золоторого оленя, и они помчались к берегам реки Теноёки, домой, к родным местам.

Старый лопарь и лопарка уж и не надеялись увидеть сына живым. Маленький олень давно вернулся один, с пустыми санями. Как же тут было не подумать, что Сампо-Лопарёнка съели волки!

— Вот, отец, — говорила старая лопарка, утирая слёзы, — хоть и назвал ты нашего сына Сампо, а не принесло это ему счастья...

— Это ты отпугнула от него счастье, — говорил старый лопарь, тяжело вздыхая. — Не называла бы ты его другим именем, так и не случилось бы с ним беды...

Зато и обрадовались же они, когда Сампо-Лопарёнок, живой и невредимый, подкатил к чуму, да ещё на золоторого олене!

— Видишь, жена, — сказал старый лопарь, — не зря всё-таки назвал я нашего сына Сампо. Он у нас и вправду счастливый!

— А разве я что говорю! — согласилась лопарка. — Только, по-моему, и Лопарёнок хорошее имя. Да что имя! Был бы он хорошим человеком, так и счастье своё найдёт!

И она по-прежнему называла сына Лопарёнком, а отец называл его Сампо.

И снова они зажили все вместе.

Золоторогий олень тоже остался у них. Правда, Сампо-Лопарёнок кормил его простым овсом из деревянных яслей, но золоторогому оленю очень нравилось и это угощение.

А когда Сампо вырос и стал умным и храбрым, как школьный учитель, он сделал своему другу серебряные ясли и каждый день засыпал в них зерно чистого золота.

Но это уже совсем другая история, и о ней ты услышишь в другой раз.

Кнут - Музыкант

Ж

ил на свете мальчик по имени Кнут. Отца и матери у него не было, и жил он у своей бабушки в бедной хижине на берегу моря.

Берег назывался Жемчужным, хотя, по правде говоря, никто никогда не находил здесь даже самой маленькой жемчужины.

У Кнута была одна рубашка, одни штаны, одна куртка и одна шапка. Летом он бегал босиком — и это не так уж плохо. А на зиму у него были шерстяные чулки и деревянные башмаки — это уж совсем хорошо.

Кнут редко был сыт, но зато всегда был весел. А ведь не так-то просто смеяться, когда от голода всё время сосёт под ложечкой! Не всякий может этим похвастаться!

Бабушка Кнута пряла шерсть, а Кнут носил продавать её в усадьбу господина Петермана.

На деньги, которые приносил Кнут, бабушка покупала ржаную муку, а из муки пекла лепёшки. Если выручка была хорошая, на столе появлялось даже кислое молоко. Но чаще всего приходилось сидеть на картошке со своего огорода. Правда, её тоже хватало ненадолго — весь огород был не больше бабушкиного одеяла. Много ли соберёшь с такого клочка земли!

Однажды поутру Кнут сидел на Жемчужном берегу и перебирал желтоватые круглые камешки, которые были очень похожи на тёплые варёные картофелины. Только, к сожалению, их нельзя было есть, и Кнут забавлялся тем, что ловко закидывал их в воду.

И вдруг он увидел среди камней маленькую камышовую дудочку. Это была самая обыкновенная дудочка. У Кнута было таких с десятков — и подлиннее, и покороче, и потолще, и потоньше. Но эта дудочка, конечно, тоже не была лишней.

Кнут приложил дудочку к губам и легонько дунул.

— Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! — весело залилась дудочка.

Кнут дунул ещё раз, и дудочка жалобно затянула:

— Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

Кнут дунул в третий раз, и дудочка ласково запела:

— Баю-бай! Баю-бай!

Кнут снова и снова прикладывал дудочку к губам, но никакой другой песенки она не знала.

Кнут спрятал дудочку в карман, а сам уселся на камень возле воды. В этот день Кнут был очень голоден. На завтрак у бабушки не нашлось ничего, да и на обед, наверно, будет немногим больше.

«Ах, как было бы хорошо попасть сейчас на кухню господина Петермана!» — подумал Кнут, и ему даже показалось, что он слышит запах жареной салаки.

Чтобы не сидеть сложа руки, Кнут решил закинуть удочку. Но рыба, как назло, не клевала.

После вчерашней бури море было беспокойно. Волны, как большие стеклянные горы, набегали на берег и, коснувшись песка, снова отбегали назад.

И вдруг одна волна — самая большая, самая высокая — подкатилась к ногам Кнута, и в шорохе воды ему послышались слова:

— Кнут, не нашёл ли ты дудочку морской царевны? Она поёт только три песенки. Когда она поёт: «Тра-ла-ла!» — все смеются; когда она поёт: «Баю-бай!» — все засыпают; когда она поёт: «Ой-ой-ой!» — все плачут.

— Вот как! — сказал Кнут. — Значит, это волшебная дудочка? Да, я нашёл её, но теперь-то уж ни за что не отдам. Ступай-ка своей дорогой, волна!

Волна что-то сердито пророкотала, но что — нельзя было разобрать, и отхлынула от берега.

А Кнут достал дудочку из кармана и принялся её разглядывать.

— Так, значит, ты умеешь колдовать? А ну-ка наколдуй, чтобы рыба от меня не уходила!

Кнут дунул в дудочку, и она протяжно запела:

— Баю-бай! Баю-бай!

И вот — не прошло и минуты — у самого берега всплыл один окунь, за ним другой, за другим третий, потом всплыли лососи, щуки, сиги, а там пошла плотва, салака, корюшка и прочая быстрохвостая мелочь, какая только водится в море. Вся рыба, скованная сном, лежала на боку, тихонько покачиваясь на волнах. И уж столько её было, что хоть руками выбирай!

«Ого! Сегодня у меня будет богатый улов!» — подумал Кнут и побежал домой за корзинкой.

Но, когда он вернулся, к берегу нельзя было подойти. Дикие утки, гуси, лебеди и другие незваные гости слетелись сюда, почуяв добычу, и с жадностью пожирали сонную рыбу.

Самыми ненасытными, самыми горластыми были чайки.

— Хватай! Хватай! — кричали они наперебой так, что было слышно на полмили вокруг.

И вдруг прямо в гущу этого крикливого птичьего базара врезался морской орёл. Он выхватил из воды самого большого лосося и полетел прочь.

Кнут чуть было не заплакал от обиды.

— Вот я вам покажу, воры! — закричал он и, схватив полную пригоршню камней, стал швырять в птиц.

Кому он подбил крыло, кому зашиб лапу, но птицы всё равно не разлетались.

Кто знает, чем бы это кончилось, но тут со стороны залива ударил выстрел, потом ещё и ещё. После каждого выстрела птицы замертво падали в воду.

Скоро почти все они были перебиты, а те, которых не настиг выстрел, с громким криком разлетелись в разные стороны.

В это время из-за мыса выплыла лодка с тремя охотниками. Это был господин Петерман со своими друзьями. Сегодня охотники были очень довольны. Ещё бы! Такой охоты у них в жизни ещё не было!

— А, это ты, Кнут! — крикнул господин Петерман. — Как это тебе удалось подманить столько птиц?

— Да я вовсе не подманивал этих птиц, — сказал Кнут. — Я играл на своей дудочке рыбам, а птицы, как видно, тоже захотели послушать мою музыку!

— Видно, ты очень искусный музыкант, — сказал господин Петерман. — С сегодняшнего дня я так и буду называть тебя: Кнут-Музыкант.

— Что ж, я согласен, — сказал Кнут.

Да и почему бы он стал спорить? Ведь Кнут-Музыкант звучит ничуть не хуже, чем, например, Кнут Андерсон, или Кнут Седерлунд, или Кнут Маттсон.

— Послушай, Кнут-Музыкант, — сказал господин Петерман, подбирая из воды убитую птицу, — что это с тобой случилось? Ты стал тощий, как жердь.

— На что же мне быть похожим, если обедать мне приходится вприглядку? — весело сказал Кнут.



— Пожалуй, ты прав, — согласился господин Петерман. — Но сегодня я приглашаю тебя к себе на обед. Ведь, если бы не ты, мы никогда бы не настреляли столько дичи. Только приходи не раньше четырёх, а то птицу не успеют зажарить. Но смотри не опаздывай — я не люблю ждать.

— Благодарю вас, — сказал Кнут, — я приду ровно в четыре.

А сам подумал: «Тому, кто ничего не ел со вчерашнего дня, не так-то легко ждать до четырёх часов».

Наконец лодка, нагруженная дичью, отчалила от берега, а Кнут с пустыми руками пошёл домой.

— Ну, Кнут, много ли ты наловил рыбы? — спросила бабушка.

— Наловить-то я ничего не наловил, а видеть — много видел. Но рыбу съели птицы, а птиц подстрелил господин Петерман.

— Плохо дело, Кнут! — сказала бабушка. — Сегодня на обед у нас только и есть что четыре картофелины, две салаки и пол-ломтя хлеба.

— Пусть всё это останется вам, бабушка, — сказал Кнут. — Я сегодня дома обедать не буду. Господин Петерман пригласил меня к себе на обед, и я принесу вам в кармане кусочек сыру.

— Смотри только не ходи через Кникальский лес, Кнут, — сказала бабушка. — Там живут эльфы. Там находятся владения горного короля, снежного короля и королевы лесов. Самое лучшее — идти берегом.

— Берегом — очень далеко, бабушка, а я ведь со вчерашнего дня ничего не ел.

— Ну иди как знаешь. Да не думай о еде, а то ещё больше захочется есть.

— Не беспокойтесь, бабушка. По дороге я буду повторять правила грамматики, — сказал Кнут и отправился в путь.

«Неужели же я потащусь по берегу, когда лесом дорога вдвое короче!» — думал Кнут, и, дойдя до поворота, он свернул на тропинку, которая вела прямо в Кникальский лес.

«Существительные бывают собственные и нарицательные... Что сие значит?» — спрашивал самого себя Кнут, пробираясь лесной чащей.

Но он ещё не успел ответить на этот трудный вопрос, как вдруг увидел маленького, сухонького старичка, который из всех сил толкал тележку, нагружённую железными листьями.

— А, здравствуй, здравствуй, Кнут-Музыкант! — сказал старичок. — Что это с тобой? Ты очень похудел!

— Как же я могу потолстеть, когда со вчерашнего дня во рту у меня не было ничего, кроме правил грамматики! Но кто вам сказал, что меня зовут Кнут-Музыкант?

— А я никого не спрашивал. Я сам знаю, кого как зовут.

«Это удивительно, — подумал Кнут. — Ведь даже я не знал ещё сегодня утром, что меня зовут Кнут-Музыкант».

— Не могу ли я чем-нибудь помочь вам? — снова спросил Кнут старичка. — Я вижу, что вам трудно тащить эту тележку.

— Что ж, помоги, если хочешь, Музыкант, — сказал старичок.

Кнут налёг на тележку, и они двинулись дальше, в глубь леса.

У подножия горы, спрятавшейся в самой чаще, старичок остановился.

— Ну вот мы и дома, — сказал он. — Пойдём со мной, Кнут, и я угощу тебя на славу, за то что ты помог мне дощить тележку.

«Пожалуй, не будет большой беды, если я зайду на минутку», — подумал Кнут и вслед за стариком полез в расщелину горы.

Они долго пробирались по узким каменистым ходам, пока наконец не дошли до огромной пещеры.

Стены, пол, потолок — всё тут сверкало и блестело золотом, серебром и драгоценными камнями.

— Неужели вы здесь живёте? — спросил Кнут.

— Ну да, это мой дворец. Ведь я горный король, — сказал старичок. — И завтра я справляю свадьбу моей дочки. Все мои придворные так заняты приготовлениями к свадеб-

ному пиру, что некому позаботиться о моём сегодняшнем обеде. Вот мне и пришлось самому отправиться за припасами.

— Но, если я не ошибаюсь, вы привезли какое-то железо, — сказал Кнут.

— Не какое-то, мой мальчик, а листовое, и к тому же самого лучшего сорта. Оно гораздо вкуснее простой железной руды. Листовое железо — моё самое любимое кушанье, особенно если его раскалить добела. Ну-ка, признавайся, приходилось тебе когда-нибудь есть листовое железо, да ещё раскалённое добела?

— Что-то не припомню, — ответил Кнут.

— Ну так сейчас ты узнаешь, что это такое! — сказал горный король. — Смотри: вот я кладу в печь два железных листа. Через три минуты они будут совсем белые. Тогда лезь прямо в печь и откуси кусочек свежераскалённого железа.

— Благодарю вас, — сказал Кнут, — но я бы предпочёл кусок свежвыпеченного хлеба и миску простокваши.

— Посмотрите-ка на него! — воскликнул горный король. Этот мальчишка, видно, совсем не понимает толка в еде! Полежай, говорят тебе, в печь, железо уже совсем готово!

— Нет уж! В печь я не полезу. Не очень-то приятно согреть там, как щепка!

— Что за вздор ты мелешь? Там совсем не жарко. Обыкновенная комнатная температура.

И, схватив Кнута за шиворот, старик потащил его к пылающей печи.

Тут уж Кнут не стал долго раздумывать: что было сил рванулся он из рук старика и бросился бежать.

К счастью, он сразу нашёл выход из пещеры. Он бежал по лесу напрямик, не разбирая дороги. Колючие кусты можжевельника хватали его за куртку, словно хотели сорвать её с плеч, еловые ветки кололи ему глаза, вереск и голубика цеплялись за ноги.

Только когда каменная гора осталась далеко позади, Кнут перевёл дух.

«А ведь бабушка недаром говорила, что не надо ходить через Киикальский лес, — подумал Кнут, шагая тропинкой.

И чтобы идти было не так страшно, он снова принялся повторять правила грамматики:

«Существительные бывают собственные и нарицательные... Что сие значит?»

Между тем в Киикальском лесу становилось всё холоднее и холоднее.

«Что сие значит?» — с удивлением подумал Кнут.

Земля кругом была покрыта снегом, а поперёк дороги высилась огромная снежная гора.

«Вот так штука! — подумал Кнут. — Среди лета — зима!..»

Он сделал несколько шагов по снегу и вдруг провалился в глубокую яму.

Когда Кнут поднялся на ноги, ни леса, ни тропинки не было. Он стоял в сверкающем ледяном дворце. Все стены дворца были украшены зеркалами из чистейшего льда, полы устланы коврами из сверкающего инея, а потолки усыпаны снежными звёздами.

Неуклюжие снежные чучела катались из угла в угол, а посередине стоял снежный великан — прямой, неподвижный, оковеневший. Борода у него была из ледяных сосулек, халат — из тонкого хрустящего льда, а башмаки — из замёрзшего ягодного сока.

— Здравствуй, Кнут-Музыкант! — сказал великан. — Что это с тобой случилось? Ты таешь, как сосулька на солнце.

— Что же в этом удивительного, если со вчерашнего дня я не ел ничего, кроме кусочка калёного железа, — ответил Кнут, стуча зубами от холода.

— И все-таки не следует горячиться, молодой человек, — сказал великан. — Я — снежный король и от всех своих поданных требую хладнокровия. Поэтому-то из них и получаются настоящие снежные шары, крепкие и круглые. И тебя я тоже сделаю круглым, как шар... Эй, снежное чучело! Окуни-ка этого мальчишку семь раз в ледяную воду да повесь его на сучок — пусть промёрзнет хорошенько!

— Пойдите! — закричал Кнут. — Я и так уже промёрз от головы до пят. Дайте мне лучше кружку парного молока и кусок жареного мяса.

— Слишком ты горяч, слишком горяч!.. Эй, снежное чучело! — приказал великан. — Дать этому мальчишке кусок замороженной ртути и кружку лихорадки!

Тут Кнуту и пришёл бы конец, если бы он не вспомнил вдруг о своей дудочке. Кнут поспешно сунул её в рот и стал дуть изо всех сил.

— Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! — весело заиграла дудочка.

И сразу лицо великана скривилось — не то от злости, не то от смеха. Он был вне себя от ярости, но почему-то ни с того ни с сего ему захотелось смеяться. Смех так и разбирал его. И чем больше он злился, тем громче смеялся. Он так хохотал, так хохотал, что сосульки со звоном посыпались с его волос и бороды. Его прямо трясло от смеха, и в конце концов колени у него подогнулись, а голова скатилась с плеч и разбилась вдребезги.

И все его придворные тоже покатались со смеху и катались до тех пор, пока совсем не развалились.

Даже ледяные зеркала во дворце и те лопались от смеха.

Кнут и сам чуть не смеялся, но всё-таки он играл и играл на своей дудочке, пока весь дворец не превратился в огромный сугроб... Поднялась метель. Снежный вихрь подхватил Кнута, закружил и куда-то понёс...

Когда Кнут открыл глаза, он снова стоял на лесной тропинке. Снег растаял, по всему лесу зашумели ручьи. Опять вернулось лето.

«Теперь буду глядеть в оба», — подумал Кнут, пробираясь лесом.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как вдруг увидел чудесную зелёную полянку. Тут было столько земляники, что казалось, будто вся трава забрызгана красными капельками.

«Пожалуй, не случится большой беды, если я полакомлюсь немного ягодами. Ведь обед будет не раньше четырёх», — подумал Кнут.

Но едва только он протянул руку за земляничкой, как все ягодки бросились от него в разные стороны.



«Ну и дела! — подумал Кнут. — В этом лесу, кажется, всё заколдовано, даже земляника».

Он наклонился к самой земле и тут только разглядел, что это вовсе не земляника, а крошечные лесные человечки — эльфы. Ростом они были не выше кустиков земляники, и все — в красных юбочках и красных шапочках. А на зелёной кочке посреди поляны сидела сама королева эльфов.

— Здравствуй, здравствуй, Кнут-Музыкант! — сказала королева. — Так это ты распугал весь мой народ?

— Прошу простить меня, ваше величество, — сказал Кнут, кланяясь королеве, — но я принял ваших подданных за спелую землянику.

— Бедный мальчик! — воскликнула королева. — Ты, наверно, очень голоден?

— Как же мне быть сытым, если со вчерашнего дня я ничего не ел, кроме калёного железа и замороженной ртути! — сказал Кнут.

— Да, этим, пожалуй, сыт не будешь, — согласилась королева эльфов. И, обернувшись к своим фрейлинам, приказала: — Дайте ему маковую росинку и комариную ножку! Пусть бедняга хоть раз поест досыта.

— Благодарю вас, — сказал Кнут. — Но не лучше ли будет, если вы дадите мне корзинку земляники и ведро молока?

— Ну и грубиян ты! — воскликнула королева. — Мало того, что ты явился в моё королевство без спросу и раздавил тридцать моих верных подданных! Ты ещё смеешь спорить со мной!.. Эй, лесные пауки! Сюда! Принимайтесь за работу!

И тотчас с деревьев спустились тысячи длинноногих пауков. Они обступили Кнута со всех сторон и стали опутывать его паутиной. Кнут попытался было разорвать паутину руками, но руки его словно прилипли к куртке. Он хотел убежать, но не смог сделать ни шагу, как будто его спеленали. Глаза ему залепила густая паутиновая сетка, и кончилось тем, что он как подкошенный свалился в траву.

Ну и смех поднялся кругом! Вся лесная полянка смеялась над ним. Никогда ещё эльфы так не веселились! Они пры-

гали и скакали вокруг Кнута, танцевали на нём, шекотали ему нос и шею и вообще были в восторге от всей этой забавы.

— Теперь лежи здесь, пока сам не запросишь капельку росы и комариную ножку! — пищали они ему в самое ухо. «Плохо моё дело», — подумал Кнут.

И вдруг в голову ему пришла прекрасная мысль.

— Послушайте, маленькие эльфы, — взмолился Кнут, — для того чтобы вы на меня не сердились, я готов съесть не то что комариную ножку, а даже кусочек тростника! Пусть только кто-нибудь достанет его из моего кармана и сунет мне в рот.

Всем известно, что эльфы очень любопытны. Поэтому им, конечно, захотелось посмотреть, как это человек будет есть тростник.

И вот четверо смельчаков полезли, словно в глубокую пропасть, в карман Кнута. С трудом выволокли они тростниковую дудочку и потащили её сначала вверх по руке Кнута, потом по его плечу и шее, до самого подбородка. Тут они разом подняли её и приставили к губам Кнута.

И снова эльфы принялись танцевать и прыгать вокруг Кнута. Они так громко смеялись, что можно было подумать, будто целые тучи комаров пищат над поляной.

А Кнут, едва только дудочка оказалась у него во рту, дунул в неё легонько, и дудочка жалобно запела:

— Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

И сразу на полянке затих весёлый смех. Потом стало слышно, как на траву упала одна капля, потом другая, третья, и вот словно зашумел внезапно хлынувший дождь. Кнут, хоть и не видел ничего, но сразу догадался, что это плачут эльфы. Ему даже стало жалко, что эти маленькие весёлые существа так горюют.

— Послушайте, — сказал наконец Кнут, — если вы освободите меня, я прикажу моей дудочке развеселить вас. А не освободите — так и будете вечно лить слёзы!

Ничего страшнее этого эльфы не могли себе представить. Громко всхлипывая, они бросились срывать с Кнута паутину, распутывать ему руки и ноги.

И вот наконец Кнут встал во весь рост и оглядел своих маленьких врагов. Ну и жалкий был у них вид!

Но всё-таки Кнут не мог отказать себе в удовольствии ещё раз пугнуть их.

Он снова дунул в дудочку, и она снова протяжно и жалобно затянула:

— Ой-ой-ой!..

Бедные эльфы! Больше всего на свете они хотели смеяться, а эта ужасная дудочка заставляла их плакать.

Но Кнут не стал долго мучить их. Он ещё раз дунул в дудочку, и громкая весёлая песня зазвучала над поляной.

— Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! — заливалась дудочка.

Что тут сделалось с эльфами! Они чуть не сошли с ума от радости. Они прыгали так высоко, что могли достать даже жаворонков в небе.

Кнут то и дело отряхивался, потому что эльфы сыпались на него, словно осенние листья.

— Ну, мне пора идти, — сказал Кнут, когда эльфы вволю наплясались. — До свидания, маленькие эльфы! Веселитесь, да не забывайте о моей дудочке!

И Кнут снова отправился в путь.

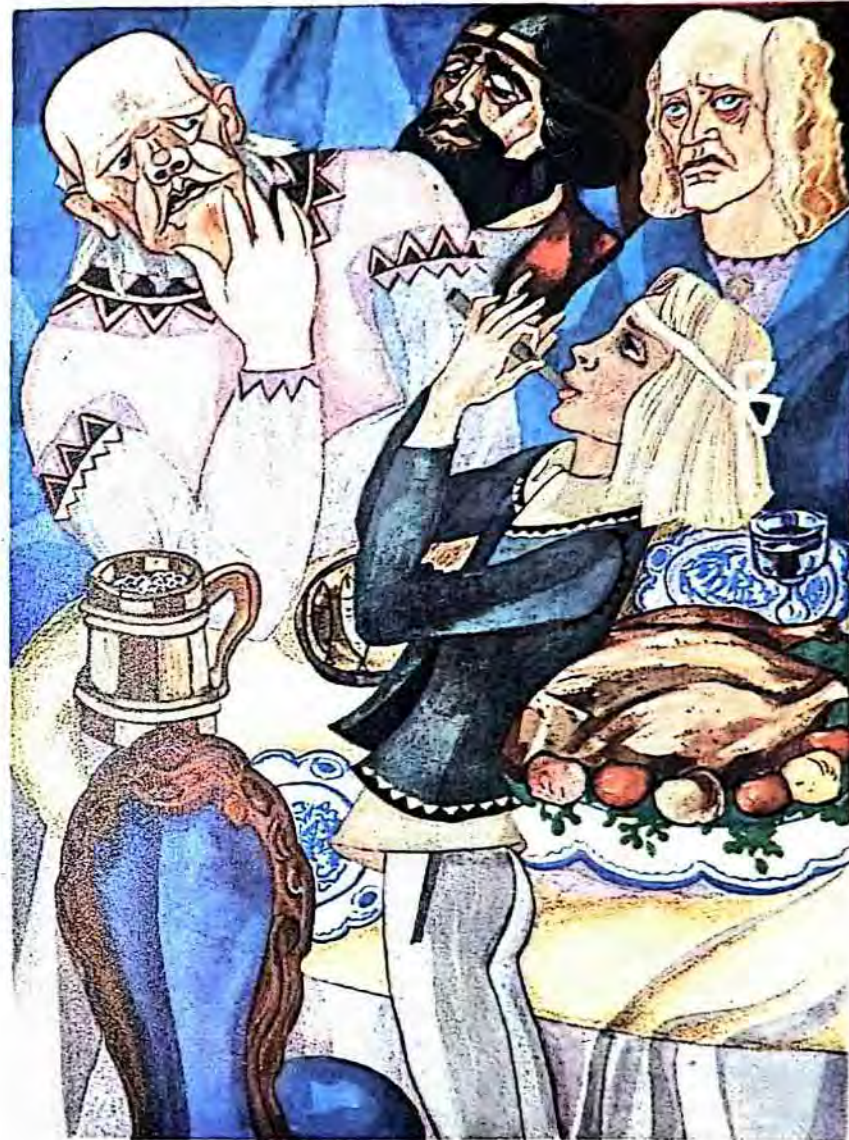
«С горным королём, со снежным королём и с эльфами я уже познакомился. Интересно, чем угостит меня королева лесов?..» — думал Кнут, шагая по лесу.

Он отошёл не очень далеко, как вдруг увидел в стороне от тропинки болото, поросшее морошкой.

«А что, если я съем несколько ягодок? — подумал Кнут. — Кажется, это самая обыкновенная морошка — не ходит, не говорит, не плачет и не смеётся».

У края болота лежала огромная старая ель, поваленная, как видно, бурей. Раздвигая густые, мохнатые ветки, Кнут полез через толстый ствол. И вдруг — он так и обмер от страха — ель поднялась во весь рост, а Кнут повис высоко над землёй, зацепившись за ветку.

— Кто это осмелился потревожить меня после обеда? — хриплым, скрипучим голосом проговорила ель. — А, это ты, Кнут-Музыкант! Ты что же, не знаешь, где находишься? Я —



королева леса. На семь миль кругом тянутся мои владения. Видишь, какой у меня прекрасный дворец?

Кнут посмотрел по сторонам, но на семь миль кругом не было видно ничего, кроме дикой, непроходимой чащи.

Стараясь говорить как можно вежливее, Кнут спросил, нельзя ли ему спуститься на землю, чтобы собрать немного морошки.

— Что? Морошки? — зашумела ель. — Если ты голоден, ешь мох. Я прикажу дать тебе семь возов моха. Вот это будет настоящее королевское угощение!

— Благодарю вас, — сказал Кнут, — но я с большим удовольствием съел бы воз яблочного киселя и семь бочек мёда.

— Кисель, говоришь? Да я из тебя самого сделаю кисель!.. Эй, мой верный орёл! Бери этого мальчишку! Можешь приготовить из него обед для своих птенцов!

Кнут поднял голову. Тут только он увидел на верхушке ели огромного орла, который смотрел на него кровожадными глазами. Хотя сам Кнут и не прочь был пообедать, но ему не очень-то улыбалось достаться на обед орлу. Он хотел прыгнуть вниз, но не тут-то было — колючие ветки крепко держали его за руки и за ноги.

Кнут совсем приуныл. И вдруг он почувствовал какое-то лёгкое прикосновение — словно кузнечик пробежал по его рукаву, прыгнул на воротник, вскочил к нему на подбородок. Кнут скосил глаза. Это был маленький эльф. Когда все эльфы на поляне плясали и прыгали вокруг Кнута, он попал Кнуту в карман да так и застрял там.

С трудом, точно из глубокой пропасти, выбрался он теперь из кармана и тащил за собой волшебную дудочку, которая была раз в шесть больше его самого.

— Играй! — сказал эльф, приставляя дудочку к губам Кнута.

Кнут сжал дудочку губами и дунул в неё.

— Баю-бай! Баю-бай! — протяжно запела дудочка.

И сразу ель стала зевать, потягиваться всеми своими ветками и наконец, что-то бормоча о невежах, которые помещали ей поспать после обеда, снова растянулась на болоте...

Когда Кнут выкарабкался из-под веток, весь лес храпел так, как будто рычала добрая сотня медведей. Даже у кровожадного орла слипались глаза, и, тяжело взмахивая крыльями, он полетел прочь, засыпая на лету.

Кнут быстро перебрался через деревья, поваленные сном, и вышел на просёлочную дорогу. Отсюда до усадьбы господина Петермана было уже совсем недалеко.

Кнут прибавил шагу. Но как он ни спешил, а всё-таки к обеду опоздал.

Когда Кнут вошёл в дом, все уже сидели в столовой за столом и ели жареную утку. Утка, как видно, была очень вкусная, и гости, не уставая, хвалили охотника, который её подстрелил, и повара, который её зажарил.

— Добро пожаловать, Музыкант! — сказал господин Петерман, увидев Кнута. — Что же ты опоздал к обеду?

— Как же мне было не опоздать, когда я уже четыре раза был на званных обедах и отведал калёного железа, замороженной ртути, комариной ножки с приправой из утренней росы и на сладкое семь возов моха! — весело сказал Кнут.

— Ого, не слишком ли это много? Боюсь, не объелся ли ты! — воскликнул господин Петерман. — Хорошо, по крайней мере, что мы тебя не ждали. После таких лакомств ты, конечно, откажешься от обыкновенной жареной утки! — И он весело подмигнул гостям, очень довольный своей шуткой. — А чтобы тебе не было скучно смотреть, как мы едим, — добавил господин Петерман для утешения, — поиграй нам на своей дудочке, Кнут! Ты ведь отличный музыкант!

«Пожалуй, это будет потруднее, чем есть калёное железо и замороженную ртуть», — подумал Кнут. Но вслух сказал:

— Извольте! Если вам так хочется, я поиграю.

Он вытащил дудочку и легонько дунул в неё.

— Ой-ой-ой! — грустно затянула дудочка.

И сразу же господин Петерман тяжело вздохнул.

Глядя на него, стали вздыхать и гости, на глазах у всех выступили слёзы, никто больше не хотел вкусной жареной утки.

— Ой-ой-ой! — протяжно пела дудочка.
— Знаешь что, Кнут, — громко всхлипывая, сказал господин Петерман, — лучше уж садись с нами обедать! Что-то твоя музыка не очень весёлая... — И, уткнувшись лицом в салфетку, он залился слезами.

— Ну что ж, если вы просите, я, так и быть, составлю вам компанию, — сказал Кнут.

Он спрятал дудочку в карман и сел к столу.

Понемногу гости успокоились. Они вытерли слёзы и, с опаской поглядывая на Кнута, снова придвинули к себе тарелки.

А Кнут как ни в чём не бывало принялся за суп, за пирог и за жареную утку.

Он был очень доволен, что проучил господина Петермана. Да и утка была отличная. Но что там ни говори, а дома, с бабушкой, обедать гораздо веселее! Поэтому Кнут поспешил домой. Но своё слово он сдержал и принёс бабушке обещанный кусочек сыру.

Возвращался он берегом, и ему пришлось пройти лишние две мили.

И всё-таки дорога эта оказалась вдвое короче, чем дорога через Киикальский лес.

Три ржаных колоса

В

сё началось под Новый год.

Жил в деревне богатый крестьянин. Деревня раскинулась на берегу озера, и на самом видном месте стоял дом богача — с пристройками, амбарами, сараями, за глухими воротами.

А на другом берегу, возле самого леса, ютилась маленькая бедная избушка — всем ветрам открытая. Да только и ветру нечем было там разжиться.

На дворе была стужа.

Деревья так и трещали от мороза, а над озером кружились тучи снега.

— Послушай, хозяин, — сказала жена богатея, — давай положим на крышу хоть три ржаных колоса для воробьёв. Ведь праздник нынче, Новый год.

— Не так я богат, чтобы выбрасывать столько зерна каким-то воробьям, — сказал старик.

— Да ведь обычай такой, — снова начала жена. — Говорят, к счастью это.

— А я тебе говорю, что не так я богат, чтобы бросать зерно воробьям, — сказал как отрезал старик.

Но жена не унималась.

— Уж, наверное, тот бедняк, что на другой стороне озера живёт, — сказала она, — не забыл про воробьёв в новогодний вечер. А ведь ты сеешь хлеба в десять раз больше, чем он.

— Не болтай вздор, — прикрикнул на неё старик. — Я и без того немало ртов кормлю. Что ещё выдумала — воробьям зерно выбрасывать!

— Так-то оно так, — вздохнула старуха, — да ведь обычай.

— Ну вот что, — оборвал её старик, — знай своё дело, пеки хлеб да присматривай, чтобы окорок не подгорел. А воробьи — не наша забота.

И вот в богатом крестьянском доме стали готовиться к встрече Нового года: и пекли, и жарили, и тушили, и варили. От горшков и мисок стол прямо ломился. Только голодным воробьям, которые прыгали по крыше, не досталось ни крошки. Напрасно кружили они над избой — ни одного зёрнышка, ни одной хлебной корочки не нашли.

А в бедной избушке на другой стороне озера словно и забыли про Новый год. На столе и в печи было пусто, зато воробьям было приготовлено на крыше богатое угощение — целых три колоса спелой ржи.

— Если бы мы вымолотили эти колосья, а не отдали их воробьям, и у нас был бы сегодня праздник. Каких бы лепёшек я напекла к Новому году! — сказала со вздохом жена бедного крестьянина.

— Какие там лепёшки! — засмеялся крестьянин. — Ну много ли зерна намолотила бы ты из этих колосьев? Как раз для воробьиного пира.

— И то правда, — согласилась жена. — А всё-таки...

— Не ворчи, мать, — перебил её крестьянин, — я ведь скопил немного денег к Новому году. Собирай-ка скорее детей, пусть идут в деревню да купят нам свежего хлеба и кувшин молока. Будет и у нас праздник — не хуже, чем у воробьёв.

— Боюсь я посылать их в такую пору, — сказала мать. — Тут ведь и волки бродят.

— Ничего, — сказал отец, — я дам Юхану крепкую палку, этой палкой он всякого волка отпугнёт.

И вот маленький Юхан со своей сестрёнкой Ниллой взяли санки, мешок для хлеба, кувшин для молока, прихватили здоровенную палку на всякий случай и отправились в деревню на другой берег озера.

Когда они возвращались домой, сумерки уже сгустились. Вьюга намела на озере большие сугробы. Юхан и Нилла с трудом тащили санки, то и дело проваливаясь в глубокий снег. А снег всё валил и валил, сугробы росли и росли, тьма сгущалась всё больше и больше, а до дому было ещё далеко.

Вдруг во тьме перед ними что-то зашевелилось. Человек не человек, и на собаку не похоже. А это был волк — огромный, худой. Пасть открыл, стоит поперёк дороги и воет.

— Сейчас я его прогоню, — сказал Юхан и замахнулся палкой.

Но волк даже с места не сдвинулся. Видно, он ничуть не испугался палки Юхана, да и на детей нападать как будто не собирался. Он только завыл ещё жалобнее, словно просил о чём-то. И, как ни странно, дети отлично понимали его.

— У-у-у, какая стужа, какая лютая стужа, — жаловался волк. — Моим волчатам есть совсем нечего! Они пропадут с голоду!

— Жаль твоих волчат, — сказала Нилла. — Но у нас самих нет ничего, кроме хлеба. Вот возьми два свежих каравая для своих волчат, а два останутся нам.

— Спасибо вам, век не забуду вашу доброту, — сказал волк, схватил зубами два каравая и убежал.

Дети завязали потуже мешок с оставшимся хлебом и, спотыкаясь, побрели дальше.

Они прошли совсем немного, как вдруг услышали, что кто-то тяжело ступает за ними по глубокому снегу. Кто бы это мог быть? Юхан и Нилла оглянулись — это был огромный медведь. Медведь что-то рычал по-своему, и Юхан с Ниллой долго не могли понять его. Но скоро они стали разбирать, что он говорит.

— Мор-р-роз, какой мор-р-роз, — рычал медведь. — Все ручьи замёрзли, все реки замёрзли...

— А ты чего бродишь? — удивился Юхан. — Спал бы в своей берлоге, как другие медведи, и смотрел бы сны.

— Мои медвежата плачут, просят попить. А все реки замёрзли, все ручьи замёрзли. Как же мне напоить моих медвежат?

— Не горюй, мы отольём тебе немного молока. Давай твоё ведёрко!

Медведь подставил берестяное ведёрко, которое держал в лапах, и дети отлили ему полкувшина молока.

— Добрые дети, хорошие дети, — забормотал медведь и пошёл своей дорогой, переваливаясь с лапы на лапу.

А Юхан и Нилла пошли своей дорогой. Поклажа на их санках стала полегче, и теперь они быстрее перебирались через сугробы. Да и свет в окне их избушки уже виднелся сквозь тьму и метель. Но тут они услышали какой-то странный шум над головой. Это был не ветер, и не вьюга. Юхан и Нилла посмотрели вверх и увидели безобразную сову. Она изо всех сил била крыльями, стараясь не отстать от детей.

— Отдайте мне хлеб! Отдайте молоко! — выкрикивала сова скрипучим резким голосом и уже растопырила свои острые когти, чтобы схватить добычу.

— Вот я тебе сейчас дам! — сказал Юхан и принялся размахивать палкой с такой силой, что совиные перья так и полетели во все стороны.

Пришлось сове убраться прочь, пока ей совсем не обломали крылья. А дети скоро добрались до дому. Они стряхнули с себя снег, втащили в сени санки и вошли в избу.



— Наконец-то! — радостно вздохнула мать. — Чего только я не передумала! А вдруг, думаю, волк им встретится...

— Он нам и встретился, — сказал Юхан. — Только он нам ничего плохого не сделал. А мы ему дали немного хлеба для его волчат.

— Мы и медведя встретили, — сказала Нилла. — Он тоже совсем не страшный. Мы ему молока для его медвежат дали.

— А домой-то привезли хоть что-нибудь? Или ещё кого-нибудь угостили? — спросила мать.

— Ещё сову! Её мы палкой угостили! — засмеялись Юхан и Нилла. — А домой мы привезли два каравай хлеба и полкувшина молока. Так что теперь и у нас будет настоящий пир!

Время уже подходило к полуночи, и всё семейство уселось за стол. Отец нарезал ломтями хлеб, а мать налила в кружки молоко. Но сколько отец ни отрезал от каравай, каравай всё равно оставался целым. И молоко в кувшине тоже не убывало.

— Что за чудеса?! — удивлялись отец с матерью.

— Вот сколько мы всего накупили! — говорили Юхан и Нилла и подставляли матери свои кружки и плошки.

Ровно в полночь, когда часы пробили двенадцать ударов, все услышали, что кто-то царапается в маленькое окошко.

И что же вы думаете? У окошка стояли волк и медведь, положив передние лапы на оконную раму. Оба весело ухмылялись и приветливо кивали головой, словно поздравляли обитателей избушки с Новым годом.

На следующий день, когда дети подбежали к столу, два свежих каравай и полкувшина молока стояли будто нетронутые. И так было каждый день. А когда пришла весна, весёлое чирикание воробьёв словно приманило солнечные лучи на маленькое поле бедного крестьянина, и урожай у него был такой, какого никто никогда не знал. И за какое бы дело ни взялись крестьянин с женой, всё у них в руках ладилось и спорилось.

Зато у богатого крестьянина хозяйство пошло вкривь и вкось. Солнце как будто обходило стороной его поля, и в закромах у него стало пусто.

— Всё потому, что не бережём добро, — сокрушался хозяин. — Тому дай, этому одолжи. Про нас ведь слава — богатые! А где благодарность? Нет, не так мы богаты, жена, не так богаты, чтобы о других думать. Гони со двора всех попрошайек!

И они гнали всех, кто приближался к их воротам. Но только удачи им всё равно ни в чём не было.

— Может, мы едим слишком много, — сказал старик. И велел собирать к столу только раз в день. Сидят все голодом, а достатка в доме не прибавляется.

— Верно, мы едим слишком жирно, — сказал старик. — Слушай, жена, пойдёшь к тем, на другом берегу озера, да поучись, как стряпать. Говорят, в хлеб можно еловые шишки добавлять, а суп из брусничной зелени варить.

— Что ж, пойдёшь, — согласилась старуха и отправилась в путь.

Вернулась она к вечеру.

— Ну что, набралась-таки ума-разума? — спросил её старик.

— Набралась, — сказала старуха. — Только ничего они в хлеб не добавляют.

— А ты что, пробовала их хлеб? Уж, верно, они свой хлеб подальше от гостей держат.

— Да нет, — отвечает старуха, — кто ни зайдёт к ним, они за стол сажают да ещё с собой дадут. Бездомную собаку и ту накормят. И всегда от доброго сердца. Вот оттого им во всём и удача.

— Чудно, — сказал старик, — что-то не слышал я, чтобы люди богатели оттого, что другим помогают. Ну да ладно, возьми целый каравай и отдай его нищим на большой дороге. Да скажи им, чтобы убирались подальше на все четыре стороны.

— Нет, — сказала со вздохом старуха, — это не поможет. Надо от доброго сердца давать.

— Вот ещё! — заворчал старик. — Мало того, что своё отдаёшь, так ещё от доброго сердца!.. Ну ладно, дай от доброго сердца. Но только уговор такой: пусть отработают потом. Не так мы богаты, чтобы раздавать наше добро даром.

Но старуха стояла на своём:

— Нет, уж если давать, так без всякого уговора.

— Что же это такое! — старик от досады прямо чуть не задохнулся. — Своё, нажитое — даром отдавать!

— Так ведь если за что-нибудь, это уж будет не от чистого сердца, — твердила старуха.

— Чудные дела!

Старик с сомнением покачал головой. Потом вздохнул тяжело и сказал:

— Слушай, жена, на гумне остался небольшой сноп немолоченной ржи. Вынь-ка три колоса да прибереги к Новому году для воробьёв. Начнём с них.

Звездоглазка



слышал эту старую-престарую историю от многих людей, и каждый рассказывал её по-своему. А теперь я сам расскажу её — так, как она мне запомнилась.

Но сначала давай полетим на крыльях ветра в страну снега и холода, туда, где небо озаряется северным сиянием, где ночная тьма и солнечный свет всегда ведут между собой спор.

И вот представь себе: лежит среди сугробов, завернутая в оленьи шкуры, маленькая девочка. Кругом, куда ни посмотри, только снег, снег.

снежные поля, снежные холмы и горы. И нигде ни живой души.

Как же это могло случиться? Сейчас ты узнаешь.

Был вечер накануне Нового года. Лопарь и лопарка торопились домой. На передних санях сидел лопарь, а сзади, на других санях, — его жена с маленькой дочкой. Олень может везти только одного человека, потому им и пришлось ехать порознь. Снег сверкал, северное сияние вспыхивало и переливалось всеми цветами, а звёзды ярко горели в небе. Лопарь то и дело подгонял своего оленя и оглядывался на жену — не отстаёт ли её олень, хорошо ли идет.

Они уже добрались до вершины холма, как вдруг увидели волков. Это была большая стая, волков сорок или пятьдесят, — такими стаями волки часто ходят в Лапландии, подстерегая оленей и людей. Наверное, давно уже не попадалась им добыча: все волки были тощие, все были с голоду и разом, всей стаей, ринулись за лопарём и его женой.

Почуввав волков, олени бросились бежать со всех ног. Вообще-то лопари не боятся быстрой езды, но на этот раз не так-то просто было удержаться в санях. Ещё бы! Снег брызжет из-под оленьих копыт, слепит глаза, сани то словно проваливаются в пропасть, то их подбрасывает, то заносит в сторону... Труднее всего пришлось лопарке — ведь ей надо было и оленем править, и держаться за сани, и держать девочку. А олени неслись под гору, с сугроба на сугроб, не разбирая дороги. Вот тогда-то девочка и упала в снег. Напрасно бедная лопарка кричала и звала мужа, напрасно пыталась остановить оленя. Олень только пошевеливал ушами и мчался ещё быстрее, чтобы не достаться волкам на обед.

А волки в один миг окружили девочку. Но она даже не заплакала и смотрела на них без всякого страха. Голодные волки остановились, точно замороженные, постояли немного, а потом как будто сами чего-то испугались и ринулись прочь, вдогонку за оленями.

Чем кончилась эта погоня, никто не знает. А маленькая девочка осталась одна среди снежной пустыни. Звёзды приветливо смотрели на неё. Бесчисленные сверкающие далёкие

светила как будто охраняли беззащитное маленькое существо. Их свет отражался в глазах девочки, и, словно в ответ им, глаза её тоже засияли, как две звёздочки.

И всё-таки девочка непременно бы замёрзла, если бы её не нашёл финский крестьянин Симон Сорса. Он возвращался из норвежского города Вадсё к себе домой, в посёлок на берегу озера Инаре. А в город он ездил, чтобы купить к Новому году соль, муку и гостинцы детям. Ну и удивился Симон Сорса своей находке! Но не оставлять же девочку среди сугробов. И он привёз её домой.

— Получай, жена, подарок, — сказал он, отряхиваясь от снега. И рассказал, как было дело.

Жена крестьянина взяла девочку на руки, развернула её, напоила тёплым молоком.

— Бедное дитя! — сказала она. — Если твой отец и мать не найдутся, Симон Сорса будет твоим отцом, я буду твоей матерью, а ты — нашей дочкой. А у наших сыновей — Симму, Пальте и Матте — будет теперь сестра. Только какое же имя тебе дать?

— По всему видно, что девочка — лопарка, — сказал Симон Сорса, — а у лопарей такие трудные имена. Давай-ка, жена, назовём девочку в твою честь — Элисабет, а по-просту — Лисси.

На том и порешили.

На другой день к Симону Сорсе и его жене заглянула соседка Мурра. Она посмотрела на девочку и сказала:

— А по-моему, её надо назвать Звездоглазкой. Разве вы не видите, какие у неё глаза? Как звёздочки горят! Уж верьте мне, это неспроста. Недаром она лопарка. Все лопари сродни колдунам.

— Ещё что выдумала! — возмутилась жена Симона Сорсы. — И глаза у неё никакие не особенные. У Симму, Пальте и Матте глаза так же блестят, только у них глаза серые, а у девочки — карие. Ты бы её ещё Кошачьим Глазом назвала!

— Кошачьим не Кошачьим, а глаза у неё колдовские. Припомните мои слова!

Соседка ушла. А Симон Сорса сказал:
— Насчёт колдовства — это глупости. А глаза у девочки и вправду, как две звёздочки. И Звездоглазка — совсем не плохое имя.

— Не имя это для ребёнка, — сказала жена. — Назвали её Лисси, так и говорить больше не о чем.

И всё-таки скоро все в посёлке стали называть приёмную дочку Симона Сорсы Звездоглазкой. Это, видно, постаралась болтливая Мурра.

Лисси-Звездоглазка была девочкой тихой. Хозяйка старалась ни в чём не делать различия между родными детьми и приёмным. А Симон Сорса тот и вовсе души не чаял в своей приёмной дочке.

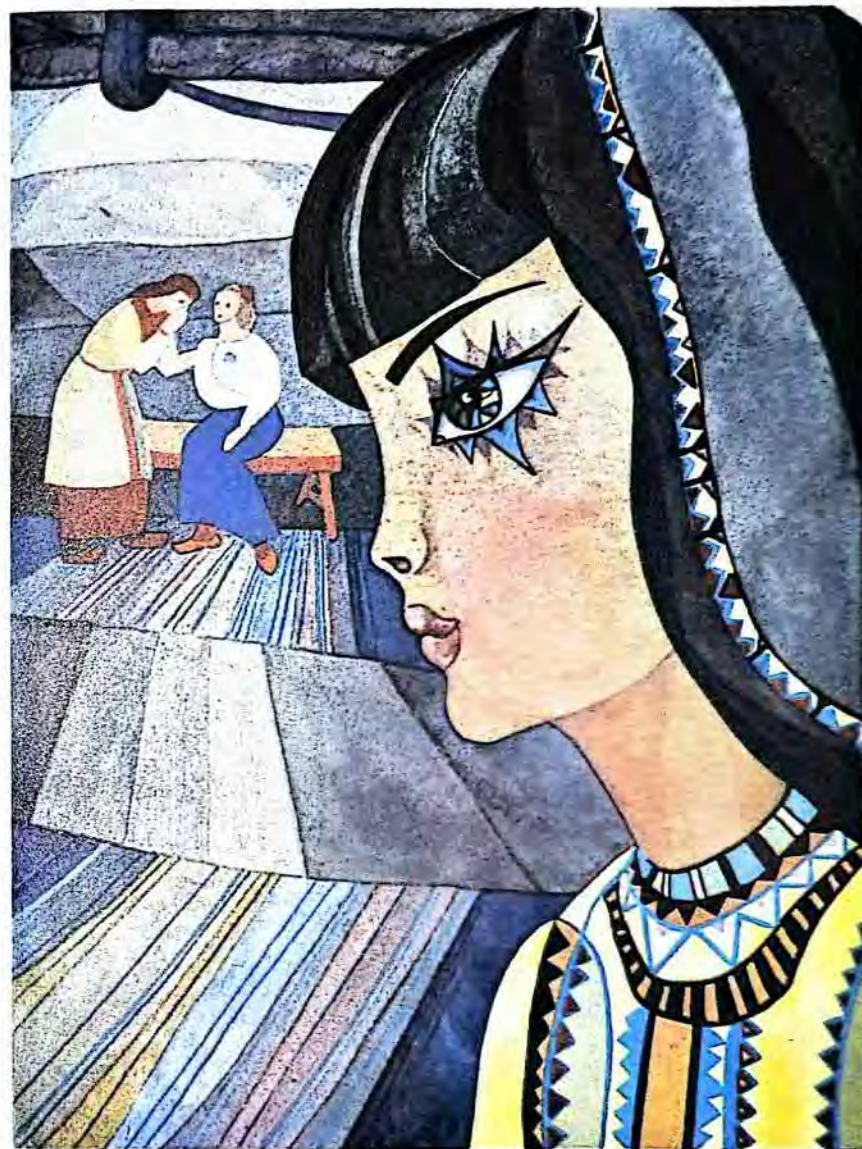
Но когда Лисси-Звездоглазка подросла, хозяйка стала замечать такое, чего и сама не могла как следует понять. И рассказать об этом никому не решалась. Да и как расскажешь, что её мальчишки — Симму, Пальте и Матте — слушались маленькую Лисси с первого слова. А ведь никто с ними сладить не мог, если они затевали драку! И это ещё не всё! Чёрная кошка прятала свои когти и ласково жмурилась, когда Лисси наклонялась к ней. А злая дворовая собака Кетту переставала лаять и рычать, стоило только девочке посмотреть на неё. Хозяйке даже казалось, что глаза у Лисси светятся в темноте.

«Ох, ей и вправду подходит имя Кошачий Глаз», — думала хозяйка.

Однажды, когда Симон Сорса был в отъезде, хозяйка сидела за прялкой и прядла шерсть, чтобы связать детям рукавицы. Со дня на день она ждала мужа, нет-нет да и взглянет в окошко — не видны ли его сани? Приближался Новый год, а хозяин всё не возвращался. Как тут не тревожиться?

«Не случилось бы с ним в дороге какой беды, — думала хозяйка. — Ведь лошадь-то плохо подкована. На одной ноге и вовсе подковы нет».

Звездоглазка в это время играла в своём углу. Она сидела верхом на скамейке и подпрыгивала на ней, словно скакала на коне.



— Стой! Стой! — вдруг скомандовала девочка своему рысаку. — Дай-ка я погляжу, все ли подковы у тебя целы. — Она приподняла край скамейки и стала осматривать деревянные ножки, как будто это были копыта. — Так и есть, одна подкова потерялась. Недаром мать беспокоится.

Хозяйка даже нитку из рук упустила.

— Лисси, откуда ты это знаешь? — спросила она.

— Лисси видела, — ответила девочка.

Хозяйке стало не по себе.

«Правду говорила Мурра. Девочка-то, кажется, колдунья».

— Да не смотри ты так, словно хочешь меня насквозь увидеть! — прикрикнула хозяйка на Звездоглазку.

Бедная девочка опустила голову и подальше забилась в своём углу, она никак не могла взять в толк, за что на неё сердится мать.

А потом заболел Пальте. Хозяйка побежала за лекарем. И пока он смотрел мальчика, хозяйка прикидывала в уме, во сколько это ей обойдётся.

Она открыла дверцу кладовки и оглядела полки. В кладовке лежали два свежих лосося, один побольше, другой поменьше.

«Дам-ка я лекарю лосося. Только вот не знаю, какого, — думала хозяйка и перекладывала лососей с места на место, словно взвешивала их на руке. — Большого дать или маленького? Пожалуй, маленького хватит». — И она бросила рыбину — ту, что была поменьше — на кухонный стол.

Звездоглазка, как всегда, сидела у себя в уголке и играла. На коленях у неё лежала мочалка — это был как будто больной. А рядом стоял веник — это был лекарь.

— Какого же лосося дать тебе? — говорила девочка, повернувшись к венику. А сама перекладывала с места на место две щепочки и словно взвешивала их на руке. — Маленького дать или большого? Нет, большого жалко, отдам лучше маленького.

Хозяйка услышала, что говорит Звездоглазка, и каждое слово кольнуло её, точно иголка.

Когда лекарь ушёл, хозяйка напустилась на Звездоглазку:

— Ты почему так говорила? Отвечай!

— Лисси видела, — опять сказала девочка.

— Видела! Видела! Что ты видела? Колдунья ты, вот ты кто. Недаром говорят, что все лопари колдуны. Будешь теперь жить в подполе, пока не забудешь свои колдовские штуки.

И хозяйка отправила девочку в тёмный погреб. Правда, она перенесла туда матрац с одеялом, поставила еду и кувшин с водой. И всё-таки сидеть одной в погребе, даже если есть еда и питьё, не очень-то весело. Но и не совсем скучно. У Звездоглазки были друзья: суковатый шест, старая плошка, деревянная стружка, полено и бутылка без горлышка. Это была целая семья. Суковатый шест — отец, плошка — мать, полено, стружка и бутылка — их дети. И жили они всей семьёй в пустой кадке. Все они были заняты своими делами, а Звездоглазка пела им песенки. И пела так хорошо, что даже мыши просовывали в щели мордочки, чтобы послушать, как она поёт.

Однажды под вечер наведалься в дом соседка Мурра, очень не терпелось ей узнать, вернулся ли Симон Сорса, и поглядеть, какие он привёз обновки и гостинцы к новому празднику.

— Что, не приехал ещё? — затараторила она с порога. — Да ты чего тревожишься? Не сегодня, так завтра приедет. Не днём, так ночью. Ночью-то теперь ещё светлее, чем днём. Гляди, какой месяц в небе.

И верно, высоко в чистом небе стоял месяц и светил в окошки так, что и лампу не надо было зажигать.

Хозяйка сидела и вязала рукавицы. Клубок шерсти то и дело скатывался с её колен, и она звала то Симму, то Пальте, то Матте, чтобы подали ей клубок. А у них были свои заботы. Симму подкидывал и ловил монетку, Пальте толк кирпич, Матте верёвочкой привязывал кошку за лапу. Монетка со звоном прыгала по полу, осколки кирпича летели во все стороны, а кошка пищала и жалобно мяукала.

И вдруг они услышали, что внизу, в погребе, Звездозлазка запела:

Мать из шерсти пёстрой, мягкой
Рукавицы вяжет братьям.
Симму на полу играет
И монетку вверх бросает,
Пальце бьёт кирпич в лукошке,
Матте мучит нашу кошку.
Месяц на небе стоит,
Моя стружка крепко спит.

— Это кто же поёт? — спросила Мурра.

— Да всё она, наша приёмная дочка. Придумала себе забаву и играет. Вот стружку свою укачивает. У неё там в погребе полно игрушек — черепки, щепки, стружки.

— Да ведь она из погреба видит всё, что вы делаете! — воскликнула Мурра. — Говорила я тебе, что она колдунья.

— Верно ты говорила — колдунья она, — сказала хозяйка и тяжело вздохнула. — Я и сама давно за ней это приметилла. Потому и в погреб её запрядала. А толку никакого. Ума не приложу, что мне с ней делать.

— Послушай, я знаю средство, — сказала злая Мурра. — Завяжи ей глаза семью платками да прикрой вход в погреб семью половиками, положенными крест-накрест. Тогда её колдовские глаза ничего не увидят. Это уж верно. Никакая колдунья через семь платков, через семь половиков ничего не разглядит.

— Что правда, то правда, — согласилась хозяйка, — только боюсь, не заругал бы меня муж.

— Да за что же тебя ругать? — успокаивала её Мурра. — Ведь пропадёшь ты с этой колдуньей. Видишь, какое разгорелось на небе северное сияние? Это колдуны и всякая там нечистая сила готовятся встречать Новый год. Любят они над человеком потешиться: кого с пути собьют, на кого волков наведут. Вот и девчонку твой муж под Новый год нашёл — беду к себе в дом привёл.



Говорила она, говорила и уговорила хозяйку. Спустилась хозяйка в погреб и завязала семью платками глаза Звездоглазке. А потом собрала половики со всего дома и уложила их крест-накрест над входом в погреб.

— Вот и хорошо, — приговаривала Мурра, когда дело было сделано, — это ты беде глаза завязала, беде дорогу закрыла.

И вдруг из подпола послышался голос Звездоглазки, опять она пела песенку своей стружке:

Пламя на небе горит,
Наш отец домой спешит.
Резвый конь дорогу знает,
Звёзды путь им освещают.
Скоро, скоро Новый год!
Праздник ходит у ворот!

— Да что же это такое! — закричала Мурра. — Через семь платков, через семь половиков она видит северное сияние. И что отец домой спешит, она тоже видит. Нет, всякие бывают колдуны и колдуньи, но такой ещё никогда не бывало!

Хозяйка только руками всплеснула.

— Вот горе-то! Колдунью у себя приютили!

— Избавиться от неё надо, — сказала Мурра, — пока дом не обрушился, пока на детей порчу не навела, пока твои миски-плошки не заговорила. Увести её надо подальше и оставить среди сугробов. Откуда взяли — там и оставить. Пусть сама своим колдовством спасается!

— Ох, мужа боюсь, — сказала хозяйка. — Да и девочку всё-таки жалко. Вреда-то от неё не было никакого.

— Не было, так будет, — уговаривала её Мурра. — Ну, решайся, пока не поздно.

Но тут застучали на улице копыта, закрипели ворота, хлопнула дверь, и в дом вошёл Симон Сорса. Отряхнул снег с шапки, с валенок и говорит:

— Ну, как живы-здоровы?

Симму, Пальте и Матте разом бросились к отцу да так и повисли на нём.

— А где же Звездоглазка? — спросил отец.

Жена ничего не ответила, а соседка Мурра бочком-бочком стала подбираться к выходу.

— Где же дочка? — опять спросил Симон Сорса.

— Мать её теперь в погребе держит, — сказал Симму.

— И глаза ей семью платками завязала, — сказал Пальте.

— А дверку в погреб семью половиками закрыла, — сказал Матте.

— Это правда? — спросил Симон Сорса жену и даже покраснел весь от гнева. Но жена по-прежнему молчала и не смела поднять глаза на мужа.

— Мурра говорит, что Звездоглазка колдунья, — сказал Симму.

— Что от неё надо избавиться, — сказал Пальте.

— Что она беду в наш дом привела, — сказал Матте.

— Если и пришла беда в наш дом, — сказал Симон Сорса, — так это она, наша соседка, со своим злым языком. Ведь надо же придумать такое: Звездоглазка — колдунья! Глаза у неё зоркие, и уши чуткие, и сердце отзывчивое — это правда. Вот она и видит, и слышит, и понимает больше других.

— А я говорила и снова скажу: колдунья ваша Звездоглазка! Колдунья, как есть колдунья, — твердила Мурра. — Ну-ка, ответь! Как она северное сияние могла увидеть — через семь платков, через семь половиков? Я только успела рот открыть, не к добру, говорю, северное сияние разгорелось, а она своими колдовскими глазами его уже видит.

Симон Сорса даже усмехнулся.

— Да ведь, когда ты рот откроешь, не то что в погребе — на другом конце деревни слышно.

А Мурра уже так разошлась, что её и не остановить.

— Ну, а как же она узнала, что ты едешь? А? — не хотела сдаваться Мурра. — Потому и узнала, что колдунья!

— Глупая ты, глупая, — сказал Симон Сорса. — Сердце ей подсказало, что я скоро приеду. Видно, очень она меня ждала.

— Не сердце подсказало, а глаза её колдовские увидели! Надоело, наконец, Симону Сорсе спорить с глупой бабой.

— Вот что, соседка, — сказал он, — уходи-ка ты из нашего дома, и чтоб я тебя здесь никогда больше не видел.

Прогнал Симон Сорса злую Мурру, а потом велел жене спуститься в погреб и привести в дом Звездоглазку.

С тех пор никто её не обижал и никто не называл колдуньей. А слушаться её — слушались. Да и как не послушаться, если слово идёт от доброго сердца?

А может быть, и правда: доброе сердце — колдовское? Может быть и так. Это пусть каждый сам решит.

Подарок морского хозяина

Ж

ил когда-то рыбак, по имени Матте, по прозвищу Лосось. Жил он у самого моря. Да и где же ещё рыбаку жить? И была у него жена Майя, по прозвищу Лососиха. Да и как же её иначе называть? Если муж Лосось, так, уж конечно, жена — Лососиха.

Зимовали они в маленькой хижине на берегу моря, а весной переселялись на скалистый островок и жили там до глубокой осени. На этом островке была у них лачужка — ещё меньше, чем на берегу, — с деревянной щеколдой вместо замка и с плитой, сло-

женной из необтёсанного камня. Зато крыша была украшена флашштоком и флюгером, как дома настоящих моряков.

Скала, на которой ютилась хижина, называлась Ахтола и была не больше рыночной площади в городе, где рыбак продавал свою рыбу.

В расселинах скалы росла низенькая рябина и четыре куста ольхи. Кто знает, как их сюда занесло! Может быть, осенним приливом. Но как бы то ни было, деревья росли на острове, крепко зацепившись корнями за камень.

Но это ещё не всё. Кроме рябины и ольхи, на острове было несколько кочек, поросших мягкой, как бархат, травой, несколько метёлок тростника, два кустика сон-травы, четыре стебелька кипрея и один красивый белый цветок с каким-то мудрёным названием.

Но самой большой достопримечательностью острова были четыре луковичи, которые вырастила на камнях Майя Лососиха.

Лук рос в небольшой ложбинке.

С севера он был защищён от холодного ветра каменным выступом, а с юга его пригревало солнце. И лук отлично рос.

Правда, четыре луковичи — это не так уж много, но всё-таки Лососиха очень гордилась своим огородом.

Вот так и жили старик со старухой, Матте и Майя.

Была у них ещё собака — небольшой лохматый пёс с важной кличкой Принц.

Говорят, что три — хорошее число. Да и как же не говорить этого! Весной старики ловили лососей, летом — салаку, а осенью — сига. По субботам — если погода была ясная, море тихое и ветер попутный — они отправлялись в город и там продавали свежую рыбу.

Правда, случалось, что по несколько недель подряд они не отлучались со своей скалы и не видели ничего, кроме рябины и лука, морских чаек и рыбы, грозных туч и синих волн. Скала лежала далеко в море, и на милю кругом не было ни одного зелёного островка, ни одного жилья. Лишь кое-где над водой торчали скалы — такие же, как Ахтола, — и пенистые волны бились о них день и ночь.

Лосось и Лососиха были скромные люди. Если им удавалось засолить рыбы столько, что можно было кое-как перебиться зиму да ещё выручить немного денег от продажи, — чтобы купить муки, трубочного табака для старика и кофе для старухи, — они считали себя богачами.

Правда, в муку Лососиха прибавляла отруби, в табак подмешивала сушёный мох, а в кофе — жареный ячмень. Но всё-таки Матте и Майя были всегда довольны.

И всё шло бы как нельзя лучше, если бы Лососихе не пришла в голову одна вздорная мысль, которая не давала ей покоя. Лососиха хотела купить корову!

— Ну что ты будешь делать с ней? — говорил Лосось. — Корову и не перевезти сюда. Переплыть на остров она не может, а в нашей лодке не поместится. Да если у нас и будет корова — чем мы её кормить станем? Она ведь камень жевать не захочет!

— Зачем же ей камень жевать? Тут есть ольха и добрых шестнадцать кочек травы. Разве этого мало?

— Уж куда больше! — посмеивался Лосось. — Ты ещё забыла о своих луковичах. Может, кормить корову зелёным луком?

— И то верно, — говорила Лососиха. — А зимой корову можно кормить солёной салакой. Вот ведь и Принц ест у нас рыбу.

— Этого ещё не хватало! — возмущался старик. — Нет уж, благодарю покорно, слишком дорого обойдётся твоя корова, если её кормить салакой. Вот что, матушка, лучше даже не думай о корове. И на том спасибо, что есть!

Лососиха только вздыхала. Конечно, старик прав, да ведь что поделывать, если корова не шла у неё из головы. Кофе с кислым молоком казался ей уже не таким вкусным, и она мечтала о свежих сливках, как о величайшем счастье на земле.

И вот однажды, когда Лосось и Лососиха сидели у порога своей лачуги и чистили салаку, к острову подплыла красивая парусная лодка. В ней было трое молодых людей в белых фуражках — трое студентов, которые катались по

морю без всякого дела, единственно ради своего удовольствия. Увидев, что на острове есть жильё, они решили пристать к берегу, чтобы немного подкрепиться.

— Эй, старуха, вынеси-ка нам горшок простокваши! — закричали они Лососихе.

— Ах, если бы у меня была простокваша! — сказала Лососиха и вздохнула.

— Ну, тогда тащи кувшин свежего молока, — сказали студенты, — только, смотри, не разбавленного!

— Ах, если бы у меня было молоко!.. — опять сказала старуха и вздохнула ещё тяжелее...

— Что такое? — удивились студенты. — Неужто у вас нет коровы?

Лососиха ничего не ответила. Слова студентов ранили её словно острый нож.

— Коровы у нас нет, — ответил за старуху рыбак. — Но если господа студенты пожелают копчёной рыбки, они могут через часок-другой получить самую лучшую салаку прямо из огня.

— Что ж, давайте хоть копчёной салаки, — сказали студенты.

Они запросто расположились на каменистом берегу и вытащили свои сигары и трубки.

А тем временем пятьдесят серебристых салакушек коптились на вертеле.

— Послушай, старина, — сказал один из студентов, — как называется этот камешек, на котором вы живёте?

— Чудно он как-то зовётся... Ахтола, что ли...

— Да неужто это и есть Ахтола! — воскликнул студент. — Что ж вы не попросите корову у морского хозяина? Уж он, верно, для добрых соседей не пожалеет!

— Какой там ещё морской хозяин? — проворчал Лосось.

— Как, вы ничего не знаете про морского хозяина Ахто? — удивился студент. — Ну, так я вам расскажу, что знаю сам. Вы, конечно, понимаете, что хозяин моря живёт в море. Глубоко под водой, как раз у подножия вот этой самой скалы, на которой мы с вами сейчас сидим, находятся его владе-



ния. Все рыбы и всё, что есть в море живого, подвластно морскому хозяину. А волны не смеют даже шевельнуться без его приказания. Целые стада самых лучших морских коров и табуны самых быстрых морских коней пасутся на его подводных пастбищах; поросших морской травой. Кого полюбит Ахто, того одаряет богатством. Но плохо тому, кто хоть чем-нибудь его рассердит! А сердится он то и дело. Чуть что не по нём — сразу разбушует. Из-за самого маленького камешка, брошенного в море, он может поднять целую бурю. И уж тогда отберёт все свои дары, а того, кто ему не угодил, утащит к себе на дно!.. Ну, что же вам ещё рассказать про хозяина моря? У него есть жена — её зовут Велламо. Волосы у Велламо такие густые, а шлейф у платья такой длинный, что ей приходится держать прислужниц, которые заняты только тем, что расчёсывают ей косы и носят за ней шлейф. Целой свитой они следуют за Велламо, когда морская владычица поднимается со дна моря посмотреть на белый свет. И если они услышат музыку, они прячутся в камышах и, пригваздившись, слушают...

— А, русалки! Про них я слышал... А что, господа студенты, сами, своими глазами, всё это видели — и морского хозяина, и его жену, и подводные пастбища?

— Да, пожалуй, можно сказать, что видели. То есть мы прочли об этом в книгах, прочли собственными глазами, а раз это напечатано в книгах — значит, так оно и есть.

— Ну, это ещё ничего не значит! — усмехнулся рыбак. — Если бы всё было так, как напечатано в книгах, вчера была бы хорошая погода. А то в календаре напечатано «ясно», а весь день бушевал ветер и дождь лил как из ведра. Вот и верь после этого тому, что напечатано!

— Так ведь календари для того и придуманы, чтобы всех обманывать, — засмеялся студент. — И это чистая правда! Вот и понимай: если написано «ясно», значит, будет буря.

Лосось недоверчиво покачал головой.

Между тем салака была уже готова — из серебристой она стала золотисто-коричневой, — и студенты принялись за еду. Они ели за шестерых, а Принца угостили остатками еды, ко-

торая была у них в лодке. От восторга Принц становился на задние лапки и облизывался, словно кот.

Когда последняя рыбка была съедена, студенты стали собираться в обратный путь. В благодарность за гостеприимство и угощение они вручили Лососю блестящую серебряную монету да ещё любезно предложили набить трубку их табаком.

Лосось не стал отказываться — ведь не часто приходилось ему курить настоящий табак. И он принялся так усердно набивать свою глиняную трубку, что она не выдержала и треснула.

Долго ещё после отъезда студентов Лосось горевал о своей трубке.

Принц тоже повесил нос. Он сел у самой воды и грустно смотрел вслед лодке до тех пор, пока белое пятнышко паруса не затерялось среди синих волн.

И Лососиха приуменьшала, проводив гостей. Но чем дольше она молчала, тем больше она думала.

Она хоть и не показывала виду, что слушает болтовню студентов, но на самом деле не пропустила мимо ушей ни одного их слова.

Больше всего запал ей на ум рассказ о коровах морского хозяина.

«Вот бы мне такую корову! — думала Лососиха. — Вот бы донить утром и вечером такую прекрасную корову! И о корме заботиться не надо! Знай только готовь горшки под молоко и простоквашу да выставляй их на полку под окном... Нет, никогда мне не будет такого счастья!»

— О чём это ты размышляла? — спросил её Лосось.

— Да так, ни о чём, — ответила старуха.

А сама подумала: «А что если взять да и попросить корову у морского хозяина? Может, он даже не знает, что у меня нет ни одной коровы?»

— Послушай, старик, — сказала Лососиха мужу, — не закинуть ли нам невод сегодня вечером?

— Что ты, старуха, разве не видишь, что буря собирается?

— Уж не вычитал ли ты это в календаре? — усмехнулась старуха. — Так ведь ты сам отлично знаешь, что календарю верить не следует.

— Календарь календарём, а ты посмотри, какие тучи надвигаются.

— Что ж, что тучи? Вчера и туч не было, да буря была, а сегодня море — точно зеркало. После вчерашнего-то ветра салака как раз будет хорошо ловиться.

— Да туча-то с северо-запада! — отвечал Лосось. — И Принц вон траву ест. Всё — к буре!

— Принц всегда ест мой лук, — не сдавалась Лососиха. — Послушай, — уговаривала она старика, — мы только один невод закинем, вон там, с подветренной стороны. Надо же нам наполнить бочку доверху, а то вся рыба испортится, если бочку долго держать открытой.

Разве старуху переспоришь! Пришлось Лососю согласиться. Они взяли сеть и отправились в море.

Лодка уже миновала отмель и выплыла на глубину, а Лососиха всё ещё не знала, как приступить к делу. Ведь студенты говорили, что Ахто очень сердитый — чуть что не по нём, сразу бурю поднимет...

И вдруг Лососихе пришла на ум старая песня. Эту песню она слышала когда-то, ещё девочкой, от одного хромого старика, которому всегда очень везло в рыбной ловле. И она тихонько принялась напевать, изменяя слова, как ей хотелось:

Кто тебе богатством равен,
Повелитель дна морского?
Но не жемчугом ты славен —
Хороши твои коровы.
Шаг их важен, взгляд их влажен,
По траве ступают гордо.
Каждый шаг размером в сажень,
В полторы сажени — морда!

— Что это ты поёшь? — удивился Лосось.

— Да так, просто мне припомнилась одна старая песенка, — ответила Лососиха и запела громче:

Повелитель бурь косматых,
Ахто, царь морей суровый,
Не прошу даров богатых,
А прошу одну корову!
Властелин пучины водной,
Я тебе отдам за это
Серебро луны холодной,
Золото дневного света!

— Что за глупая песня! — сказал Лосось. — Я ещё понимаю, что можно просить у морского хозяина рыбу, но просить корову — чистый вздор! Это всё студенты сбили тебя с толку своими разговорами!

Но Лососиха пропустила его слова мимо ушей и опять запела свою песенку. Лосось не стал больше с ней спорить — у него были свои заботы: сломанная трубка и прекрасный табак, который ему так и не довелось покурить, не выходили у него из головы.

Закинув невод, Лосось и Лососиха вернулись к себе на скалу и легли спать. Но сон не шёл к ним.

Лососиха размышляла о том, как заживут они, когда у них будет корова.

А Лосось высчитывал в уме, какой будет убыток, если начнётся буря и сеть пропадёт.

Когда время перешло за полночь, Лосось вдруг насторожился:

— Эй, жена, ты ничего не слышишь?

— Ну что там ещё? — проворчала Лососиха.

— Да что-то флюгер очень уж скрипит, — сказал Лосось. — Не слышишь? Как бы не разыгралась буря!

— Какая там буря! Флюгер скрипнул разок, а ему уже невеста что мерещится!

Лосось улёгся, но не прошло и пяти минут, как он снова поднял голову:

— Да ты послушай только, как он скрипит!

— Спи себе! — проворчала старуха.

Лосось опять лёг. Он даже натянул на голову одеяло, чтобы ничего не слышать. Но это мало помогло.

Наконец он не выдержал и вскочил с постели.
— Да неужели ты не слышишь, что флюгер мечется и визжит, будто в него бес вселился! Надо скорее спасать нашу сеть!

На этот раз Лососиха не стала спорить.

Они наскоро оделись и вышли из хижины.

Ночь была тёмная, хоть глаз выколи. Ветер выл и гудел со всех сторон. Море вокруг скалы было совсем белое от пены, точно покрыто снегом. А яростные волны вздымались до самой крыши хижины, обдавая стариков холодными брызгами.

Такой бури Лосось ещё не видывал на своём веку. Конечно, нечего было и думать о том, чтобы выйти в море за сеть. Лосось и Лососиха не решались даже на шаг отойти от дома и, чтобы ветер не унёс их, крепко вцепились в дверной косяк.

— Я говорил тебе, что не надо было сеть закидывать! — сурово сказал Лосось.

Лососиха ничего не ответила. Она стояла как пришибленная и со страху даже забыла о коровах морского владыки.

Постояв несколько минут, Лосось и Лососиха увидели, что им не остаётся ничего другого, как вернуться в свою хижину и ждать, пока буря стихнет. Они так и сделали.

Уставшие и продрогшие, они снова улеглись и скоро крепко заснули — так крепко, что не слышали, как яростно ревела буря вокруг их одинокой скалы.

На другой день, когда Лосось и Лососиха проснулись, солнце стояло уже высоко в небе. Непогода улеглась, только мёртвая зыбь ещё ходила на море, перекатывая водяные холмы, блестящие на солнце серебром.

— Посмотри-ка, что это там на берегу! — воскликнула Лососиха, приоткрыв дверь.

— Да как будто тюлень, — сказал Лосось.

— Сам ты тюлень! — рассердилась Лососиха. — Я не я буду, если это не корова!

И что же вы думаете? По берегу в самом деле разгуливала настоящая корова, чудесная рыжая корова самой лучшей породы, гладкая, откормленная, словно всю свою жизнь она

не ела ничего, кроме шпината. Она спокойно ходила по берегу и на жалкие кустики сорной травы, которыми так гордилась Лососиха, даже не смотрела.

Бедный Лосось глазам своим не верил. Но корова была самая настоящая. И Лосось убедился в этом, когда Лососиха принялась её доить.

Скоро все посудины — миски, горшки, кувшины и даже лодочный черпак — были наполнены самым прекрасным утренним молоком.

— Всё-таки это очень странно, — сказал Лосось, после того как выпил целый кувшин парного молока. — Откуда здесь могла взяться корова?

— Ничего странного тут нет, — сказала Лососиха. — Неужели же морской хозяин пожалеет одну корову для своих соседей?

— Ах, ты опять про эти басни! — усмехнулся старик.

— Не знаю, о каких баснях ты говоришь, — важно сказала старуха, — но, по-моему, молоко, которое ты только что выпил, самое настоящее.

Пришлось старику промолчать. Да и что тут скажешь! Молоко и вправду было самое настоящее.

В конце концов Лосось решил, что не стоит ломать себе понапрасну голову. Есть корова — и хорошо. Не всё ли равно, откуда она взялась? У него были другие заботы: надо было искать пропавшую сеть.

Но ему не пришлось потратить на это много времени.

Волны выбросили его сеть на берег, и она была так набита блестящей салакой, что даже в глазах рябило.

— Кажется, ты говорил, что не следовало вчера закидывать невод? — сказала Лососиха, поглядывая на мужа. — А на мой взгляд, ты за всё лето не наловил столько рыбы, сколько в этот раз.

Лосось и рад бы поспорить, да ведь как спорить, когда старуха была права! И он опять промолчал.

— Пожалуй, это не плохо, что у нас есть корова, — говорил старик, разбирая салаку. — Но чем мы будем её кормить?

— Придумаем что-нибудь, — сказала старуха.

Но корова сама нашла себе корм: время от времени она залезала в море и щипала морские водоросли, которые росли на больших отмелях у берега. Другая корова и смотреть бы на такую траву не стала, а этой ничего другого и не надо. И всегда она ходила сытая, гладкая, а молока давала — хоть отбавляй.

Лосось и Лососиха нарадоваться на неё не могли. Только Принц неодобрительно относился к корове и лаял на неё. Но это было больше от обиды, чем со зла. Да и как тут не обидеться! Старик и старуха только и говорили теперь, что о корове, а на Принца никто уже не обращал внимания.

С того дня, как на острове появилась корова, Лосось и Лососиха зажили как нельзя лучше. Молоко и простокваша у них не переводились. Сети всегда доверху были полны рыбой.

От хорошей жизни Лосось и Лососиха раздобрели, а денег у них день ото дня становилось всё больше и больше.

Старуха сбивала масло целыми пудами, а старик едва успевал вытаскивать полные сети. Море стало для него словно большой рыбный садок — сколько он хотел, столько и вылавливал. Сам он уже не мог управиться со всем хозяйством и нанял в помощь двух работников.

Осенью, когда Лосось и Лососиха перебрались на берег, корова ушла в море.

А весной, когда они вернулись на свой «камешек», корова уже гуляла по отмели.

— Послушай, — сказала Лососиха на следующее лето, — мне нужен дом попросторней и получше. В этой жалкой хижине стало очень тесно.

— Твоя правда, — согласился старик.

И он построил на скале отличный дом, с настоящими замками на дверях, с кладовой для рыбы, с погребом для молока, и нанял ещё двух работников, потому что он теперь ловил столько лососей, сига, салаки и окуней, что в городе не хватало покупателей, и он повёл торговлю с заморскими купцами.



— Всё это очень хорошо, — сказала как-то Лососиха, — но мне не под силу на всех вас готовить. Не мешало бы нам нанять служанку для домашней работы.

— Раз нужно, так и наймём, — согласился с ней Лосось.

И они наняли служанку.

Но, как водится, для хозяйки работы в доме много, а для служанки — мало.

— Наша служанка прекрасно могла бы справиться с хозяйством, если бы у нас была не одна корова, а три. Да и молока стало не хватать, когда в доме столько народу.

— Так в чём же дело? — сказал Лосось. — Спой песенку морскому хозяину, и он подарит тебе ещё двух коров. Ему, видно, понравился твой голос.

Лососиха ничего не ответила. Но вечером она велела работникам спустить лодку. Когда лодка вышла на глубокое место, Лососиха запела свою прежнюю песенку, с той только разницей, что первый раз она просила у морского хозяина одну корову, а теперь — двух.

Ахто, царь пучины пенной,
Двух коров мне дай молочных,
Золотого дай им сена,
Серебристых стеблей сочных!
Чтобы пышное их вымя
Час от часу набухало
И потоками густыми
Молоко всегда бежало!

И вот на другое утро по каменистому берегу гуляли уже три коровы. Все они паслись в море, ели морскую траву и не требовали никакой заботы.

— Ну, теперь уж тебе не на что жаловаться, — сказал Лосось. — У тебя есть всё, чего ты хотела.

— Не совсем, — сказала Лососиха. — Я хотела бы, чтобы у меня были ещё две служанки, потому что одна не может управиться со всей работой в доме. Кроме того, мне хотелось бы купить себе хоть какое-нибудь приличное платье. А то в моих тряпках стыдно уже показываться в городе. Разве ты не слышал, что меня теперь величают сударьней!

— За чем же дело стало? — спросил Лосось.

И не прошло трёх дней, как у Лососихи появились ещё две служанки, и она накупила себе нарядных платьев, какие носят настоящие городские барыни.

— Всё было бы теперь хорошо, — сказала Лососиха, — если бы ты построил настоящий каменный дом, в два этажа, с башенкой и балкончиками. Кроме того, надо привезти хорошей земли и разбить около дома сад. В саду мы поставим беседку, чтобы я могла оттуда любоваться морем. Да неплохо ещё нанять музыканта, который играл бы для нас по вечерам на контрабасе... И потом надо ещё купить небольшой корабль, чтобы можно было ездить на берег даже в бурную погоду.

— А больше тебе ничего не надо? — спросил Лосось. — Например, луну с неба, чтобы повесить её в нашем саду вместо фонаря?

И всё-таки он сделал всё так, как хотела Майя Лососиха.

Теперь скала Ахтола была такой нарядной, а сама Лососиха такой важной, что все окуни, салаки и прочие морские жители не могли опомниться от изумления.

Принца теперь кормили одной только жареной телятиной и сливочными вафлями. Не мудрено поэтому, что он стал круглым, как бочонок из-под килек.

— Ну, теперь и желать-то нечего! — говорил Лосось.

— Я бы не сказала этого, — возразила Лососиха. — Три коровы в хозяйстве — это не так уж много.

— Ну, так попроси у морского хозяина ещё тридцать коров! — сказал Лосось.

Лососиха так и сделала. На этот раз она вышла в море на своём новом корабле и, распорядившись, чтобы Ахто выслал ей тридцать коров, вернулась на остров.

А на следующее утро целое стадо чудесных коров уже паслось на берегу.

— Знаешь что, старик, — сказала Лососиха за обедом. — Здесь ужасно тесно на этой крошечной, дрянной скале. Моим коровам совершенно негде пастись.

Старик только пожал плечами:

— Что за вздор ты мелешь! Не могу же я выкачать море! Впрочем, на твоём новом корабле есть насос.

Лососиха видела, что старик смеётся над ней, и не стала разговаривать. Но чем дольше она молчала, тем больше думала. И наконец придумала.

«Море выкачать, конечно, нельзя, — решила Лососиха, — но засыпать его можно. Я прикажу бросать в море камни до тех пор, пока наш остров не станет вдвое больше!»

И, не откладывая дела, она приказала грузить корабль камнями и песком и вместе со всеми работниками и даже музыкантом выехала в море.

Музыкант играл так хорошо, что сам хозяин моря Ахто и хозяйка моря Велламо со всеми своими служанками выплыли наверх, чтобы послушать чудесную музыку.

Велламо была в своём самом лучшем наряде — из бело-снежной кружевной пены, а у служанок платья были украшены алмазными брызгами.

— Что это там сверкает у кормы? — спросила Лососиха.

— Это морская пена блестит на солнце, — ответил музыкант.

— Ну, вот тут и начинайте выбрасывать камни! — приказала старуха.

Корабль убавил ход, и работники принялись швырять камни за борт.

Плюх! Плюх! Камни так и посыпались направо и налево!

Один камень угодил в самый нос любимой прислужнице Велламо, другой поцарапал щёку ей самой, третий пролетел мимо головы Ахто и обрубил ему полбороды.

Ну и разбушевался морской хозяин! Волны забурили, как вода в кипящем котле. В море поднялась такая кутерьма, что ничего нельзя было разобрать.

— Ой, что это! Откуда такой вихрь! — закричала Лососиха.

Но не успела она договорить, как море разверзлось — словно разинулась огромная щучья пасть — и поглотило корабль.

Лососиха камнем пошла ко дну. Но она так отчаянно барахталась и била руками и ногами по воде, что в конце концов всплыла на поверхность.

На счастье, она увидела контрабас, покачивавшийся на волнах. Лососиха уцепилась за него и поплыла к берегу.

И вдруг рядом с ней из воды высунулась голова — страшная, взъерошенная, с косматыми бровями и ободранной бородой.

Это был сам морской хозяин Ахто.

— Как ты смела бросать в меня камнями? — заревел Ахто.

Лососиха вся задрожала от страха.

— Простите, ваша морская милость, — робко сказала она, — я очень жалею, что камешек задел вас. Помажьте бороду медвежьим салом, и она быстро у вас отрастёт.

— Ах ты, старая карга! Ты ещё разговариваешь! — заремел морской хозяин. — Мало тебе того, что я тебе подарил...

— Что вы, что вы, ваша милость! Уж я так вам благодарна за коров...

— А где твоя благодарность? — опять закричал Ахто. — Где серебро луны холодной, где золото дневного света, которые ты мне обещала?

— Ах, милостивый владыка, ведь луна и солнце светят вам каждую ночь и каждый день, если только погода ясная и небо не покрыто тучами! — сказала старуха.

— Ну и хитрая же ты ведьма! погоди, вот я тебя сейчас проучу! — заревел морской хозяин и так подбросил контрабас, что он взлетел, точно снаряд, выпущенный из пушки, и изо всей силы врезался в скалу...

Долго лежала Лососиха, не смея шевельнуться.

Наконец она с трудом поднялась, сделала несколько шагов и растерянно посмотрела по сторонам.

У берега бродил Принц, такой же тощий, как прежде, и глодал воронью кость.

На крылечке, в серой потёртой куртке, сидел Лосось и чинил сеть.

— Что это с тобой, жена? — спросил он, взглянув на Лососиху. — У тебя такой вид, словно ты с луны свалилась. Лососиха хорошенько протёрла глаза, опять огляделась по сторонам и наконец спросила:

— Где же наш дом?

— Ну, матушка, ты, видать, совсем заспалась! Дома своего не узнаёшь!

— Да нет, где новый дом, двухэтажный, с башенкой, с садом и беседкой? Где наш корабль и наши служанки? Где наши чудесные коровы?

— Ну и наговорила — полный короб небылиц! — сказал Лосось. — Пойди вылей себе на голову холодной воды. Вчера на море ты пела какую-то чепуху, вот тебе чепуха и при-
снилась.

— Но я своими глазами видела морского хозяина Ахто! — не унималась старуха.

— Ну да, во сне и видела. Ты и во сне несла какую-то чушь!

— Но вот на берегу лежит контрабас нашего музыканта, — твердила старуха.

— Какой ещё контрабас! Это старое бревно, а не контрабас. Скажи лучше мне спасибо, что я сам за сетью съездил. Ночью-то какая буря была! Сеть всю как есть изорвало! Хорошо ещё, что в море не унесло. Нет уж, в другой раз ты меня, голубушка, не собьёшь с толку! Я всегда говорил, что лучше всякого календаря знаю, когда будет буря, а когда бури не будет. И теперь скажу то же самое.

Сказка про двух колдунов

И

ы пытался когда-нибудь поймать солнечного зайчика? И, наверное, не поймал? А я расскажу тебе, как два колдуна решили поймать само солнце.

Жили-были когда-то на краю света два колдуна. А где край света — этого никто толком не знает. Но если он где-нибудь и находится, то не иначе как у Берингова пролива, где Азия и Америка словно устали друг на друга. Сам я там не был, но путешественник Норденшельд, повидавший много морей и земель, говорит, что это довольно-таки далеко.

Так вот, жили на краю света два колдуна — Бирребур и Бурребир. Бирребур жил там, где кончается Азия, — на мысе Восточном, или Осткапе (что то же самое). А Бурребир жил там, где начинается Америка, — на мысе принца Уэльского. Глаза у колдунов были кошачьи, так что оба могли следить друг за другом и днём и ночью, тем более что Берингов пролив не такой уж широкий. И когда один из них чихал, другой говорил: «На здоровье!»

Колдуны прикидывались добрыми друзьями и даже ездили друг к другу в гости на китах, но на самом деле Бурребир терпеть не мог Бирребура, а Бирребур платил тем же Бурребиру.

Оба только и думали о том, как бы досадить друг другу.

Бурребир с удовольствием поднимал ураганы, чтобы засорить глаза приятелю песком и мелкими камнями.

А Бирребур с не меньшим удовольствием натравливал свои стада на стада своего доброго соседа. Ну и побоища начинались, когда белые медведи, моржи и киты набрасывались друг на друга!

Однажды, в прекрасный солнечный день, Бирребур и Бурребир вздумали отправиться на остров, одиноко лежащий в море неподалёку от Берингова пролива. Море было спокойное, и колдунам захотелось немного позабавиться.

Один дунул — и сразу завывла буря. Другой махнул рукой — и на море упал густой туман. Ну и погодка была! Даже киты — уж на что ко всему привычны — и те спрятались на полмили под воду.

Натешившись вволю, Бирребур и Бурребир принялись бросать друг в друга, точно рябицей, глыбами гранита. Но оба очень ловко уклонялись от ударов, и ни у того, ни у другого не осталось после этой игры даже ссадины. Потом они подожгли лес и головешками норовили подпалить друг другу бороды. Но и тут ни один не одолел другого. Тогда они решили помериться силой — Бирребур пытался столкнуть гору на Бурребира, а Бурребир — на Бирребура. И опять ни один из них не мог взять верх над другим.

— Нет, — сказал наконец Бурребир, — это всё пустяки. Давай-ка ловить солнце! Посмотрим, кто из нас его поймает!

— Я согласен, — сказал Бирребур. — Давно пора поймать это неугомонное солнце. Я схвачу его за красный воротник и запрячу в мешок. Тогда не надо будет никогда щуриться от дневного света! А ты тогда поймёшь, кто из нас самый главный!

— Бьюсь об заклад, что солнце поймаю я! — закричал Бурребир. — Я побегу за солнцем в ту сторону, где оно восходит из-за гор. Тут-то я его и поймаю. И тогда ты узнаешь, кто из нас главный!

— А я бьюсь об заклад, что солнце поймаю я! И поймаю там, где оно садится! Это потруднее, чем ловить его на восходе!

Итак, они ударили по рукам, а закладом каждый выставил свои владения. И вот оба поспешили домой, чтобы надеть семимильные сапоги. Такие сапоги есть у каждого колдуна, и без них, конечно, нечего и думать о том, чтобы поймать солнце.

Бурребир решил так: «Я побегу к востоку через Северную Америку, и если мне не удастся изловить солнце на горах Аляски, то я, наверное, поймаю его на Клипбергене».

А Бирребур думал так: «Я побегу к западу, а уж там поймать солнце проще простого — на большой сибирской равнине есть где разогнаться».

И они пустились в путь. Даже их семимильные сапоги заскрипели, так быстро они бежали.

А дальше случилось вот что.

Сперва я расскажу про Бурребира. Как он задумал, так и сделал: он побежал прямо на восток, через Северную Америку, до самых гор Аляски. Пробежать сотни миль по ровному месту не так уж трудно (особенно если у тебя на ногах семимильные сапоги!), но влезть на высокую гору — дело не легкое даже для колдуна.

— Уф! — сказал Бурребир, когда добрался наконец до самой вершины горы. — Нельзя сказать, чтобы это была удобная лестница! Отдохну минутку, а потом начну карау-

лить солнце. Пусть только выглянет, я его сразу схвачу — и в мешок!

Он уселся поудобнее на камнях и стал ждать появления солнца. Потом как-то само собой получилось, что он прилёг и даже не заметил, как уснул. А на горе не было ни будильника, ни слуги, который в положенное время приносит утренний кофе, поэтому, когда Бурребир проснулся, солнце уже высоко стояло в небе и светило ему прямо в глаза.

— А-а, да ты, кажется, ещё смеёшься надо мной, — пробормотал Бурребир. — Ну погоди же, завтра на Клипбергене ты от меня не уйдёшь.

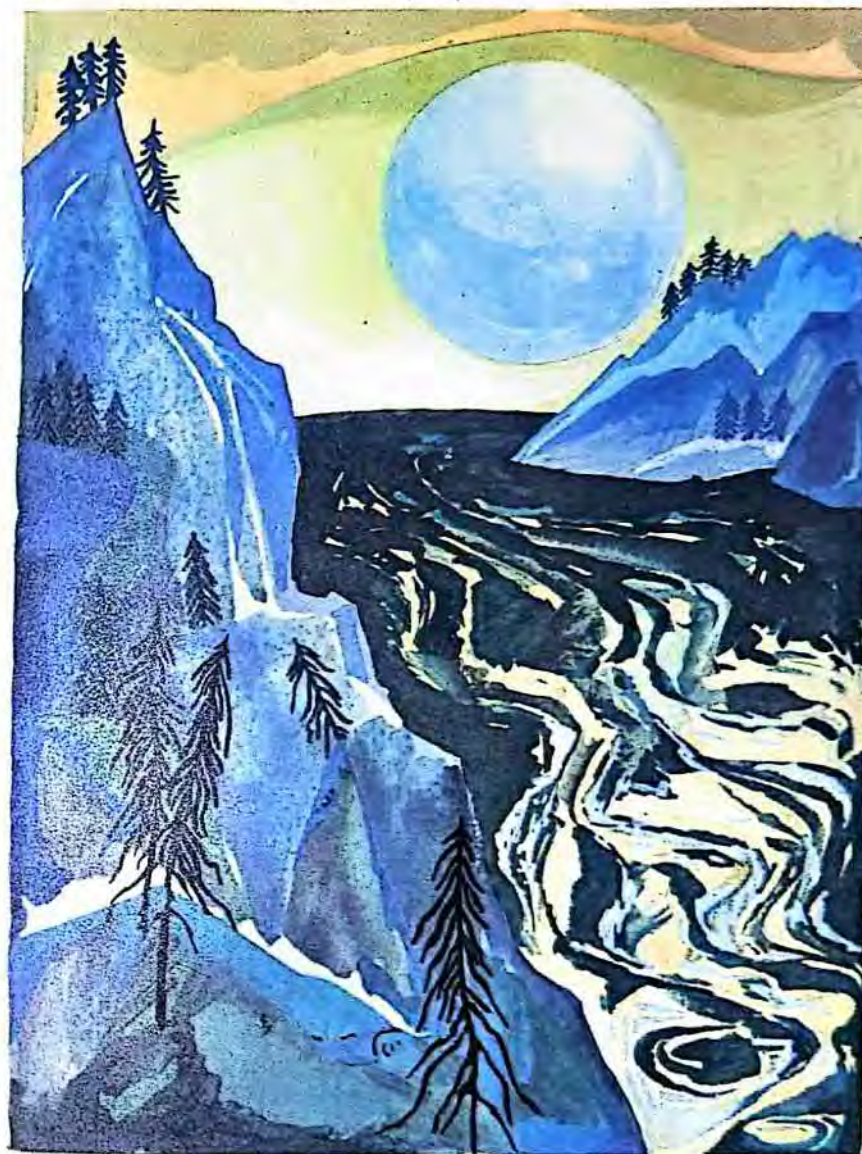
И он снова отправился в путь. Он бежал целый день — прямо на восток, никуда не сворачивая, и с разбегу взбежал на вершину Клипбергена.

«Ну, теперь я уж не просплю, — подумал он. — Раз уж здесь нет будильников, засуну себе в бороду осиное гнездо, а в каждый семимильный сапог по муравейнику...»

Сказано — сделано. Легко себе представить, что в эту ночь Бурребир не сомкнул глаз ни на минуту. Когда на востоке едва-едва занялась утренняя заря, он спрятался за уступом скалы и стал ждать. Вот над горой уже высунулся краешек солнца. Мешок был тут же наготове: в него Бурребир собирался запрятать солнце, словно это была брюква или кочан капусты.

— Раз... два... три... — Не успел он сосчитать и до десяти, как солнце взошло. — Ага, попалось! — крикнул Бурребир и схватил солнце. Но попалось-то не солнце. Попался сам Бурребир. Солнце было такое горячее, что Бурребиру показалось, будто он схватил добела раскалённое железо. И так же, как от раскалённого железа, от солнца брызнули во все стороны огненные искры.

Бурребир обжёг себе пальцы, опалил бороду, нос и глаза. Ничего не помня и не видя, он покатился с горы, словно мяч, позабыв даже про свой мешок, в который собирался запрятать солнце. Он бежал, бежал, сам не зная куда; до тех пор, пока не свалился в Медвежье море. (Если ты хочешь знать, где находится это море, поищи сам на карте, а потом скажи



мне.) Вот в этом-то Медвежьем море его подобрал один американский доктор. Он сжалился над несчастным колдуном и отправил его в лазарет. Вероятно, Бурребир лежит там до сих пор, — с пластырем на носу, на бровях, на щеках, с перевязанной рукой, с забинтованной головой, лежит и ждёт, когда отрастёт его опалённая борода, — потому что вернуться домой без бороды было бы просто неприлично. Какие же колдуны станут его уважать, если он появится без бороды?

Ты спросишь, а что же было с Бирребуром, пока Бурребир ловил солнце на горах Аляски? Сейчас я тебе расскажу.

В то время в местечке Кэмпелэ, к югу от Улеаборга, жил кузнец по имени Паво со своей женой и детьми. Как раз в этих местах строили тогда железную дорогу, и у Паво дела было непростое. Целыми днями работал он в своей кузнице — ковал, паял, бил молотом по наковальне.

Однажды вечером, когда Паво вернулся домой после дневных трудов и уселся с женой и детьми за стол, старший его сын Ойва вдруг сказал:

— Отец, кажется, в дверь царапается собака.

— Пойди посмотри, — сказал Паво.

Ойва открыл дверь, и в избу ввалился с мешком на спине косматый, бородатый, обтрёпанный старик. Не особенно-то приятный гость в позднее время. Дети расплакались и со страху сбились все в углу около печки.

— Ну, ну, нечего пугаться, — сказал кузнец, чтобы успокоить детей. — А ты кто такой? — спросил он старика.

— Я Бирребур, — представился колдун. — Вот уже трое суток, как я гоняюсь за солнцем, — хочу поймать его и упрянуть в мешок. Я пробежал всю Сибирь, даже причесаться и помыться некогда было, а солнце так и не поймал. В первый вечер оно спряталось в реке Лене, во второй вечер нырнуло в реку Обь, а сегодня — я хорошо это видел — оно укрылось где-то здесь, за твоей крышей. Верно, проскользнуло в окошко на чердаке и улеглось там спать. Дай-ка мне фонарь, я сам полезу на чердак, теперь-то оно от меня не уйдет!

— Что за глупая болтовня! — сказал кузнец. — Ну разве можно поймать солнце!

— Ты говоришь — глупая болтовня? Не такая уж глупая! Я побился об заклад с Бурребиром, что я поймаю солнце и запрячу его вот в этот мешок! Эй, давай-ка скорее фонарь, не то... Ты разве не знаешь, что я колдун? — Тут Бирребур, как бы невзначай, ударил ногой в стену, и стена рухнула, словно она была из картона.

Кузнец не на шутку испугался, но виду не показал.

— Послушай, — сказал он, — если ты будешь так буянить, я пошлю за старостой. А потом, какой же ты колдун, когда третий день не можешь поймать солнце?

— Ну как же ты не понимаешь, — возмутился колдун, — ведь для того, чтобы поймать солнце, надо было нырять в воду, а от воды портится моя борода.

— Ну, значит, ты и теперь не поймаешь солнце. Ведь оно спряталось не у меня на чердаке, а село в Ботнический залив.

— А ты не обманываешь меня? — спросил Бирребур.

Кузнец только пожал плечами.

— Зачем же мне тебя обманывать? Каждый ребёнок знает, где садится солнце.

— Тогда я побегу вокруг Ботнического залива и завтра поймаю солнце в Швеции или в Норвегии, — сказал Бирребур.

— Всё равно ничего у тебя не выйдет, — небрежно сказал кузнец. — Пока ты прибежишь в Швецию или Норвегию, солнце спрячется в Атлантическом океане.

Колдун тяжело вздохнул.

— Что же мне делать? Ведь в океане воды ещё больше, чем в реке или заливе.

— Послушай, старина, — примирительно сказал кузнец, — будь добр, поставь стену на место, а потом мы с тобой потолкуем обо всём, как добрые друзья. Может, ты поужинаяешь с нами? Небось проголодался в дороге?

— Голоден, как кит, — сказал колдун.

В одну минуту он поставил стену на место и вместе с хозяевами уселся за стол. А знаешь ли ты, что бывает, когда в дом приходит такой гость, как колдун? Вот послушай.

Сперва Бирребур съел кашу, потом чашку из-под каши и ложку, потом маслѣнку, потом блюдо с салакой и хлебницу с хлебом, а под конец — стол, за которым он сидел, со всеми четырьмя ножками. Кузнец смотрел и только диву давался, как это всё помещается в утробе колдуна. Но когда кузнец увидел, что колдун всё ещё не наелся и то и дело поглядывает на его детей, он решил, что самое лучшее — увести незваного гостя в кузницу.

— Не стесняйся, будь как дома, — сказал Паво. — Может быть, тут найдётся что-нибудь тебе по вкусу? Ешь на здоровье!

Колдун не заставил себя долго упрашивать.

— Не откажусь, — сказал он, — у меня что-то разыгрался аппетит. — И он снова принялся за еду — съел щипцы, заел их подковами, а на сладкое проглотил молот.

«Интересно, — подумал кузнец, — что этому чудовищу ещё захочется?» А вслух сказал:

— Может, ты отведаешь и наковальню? Пожалуйста, без церемоний! Будь как дома!

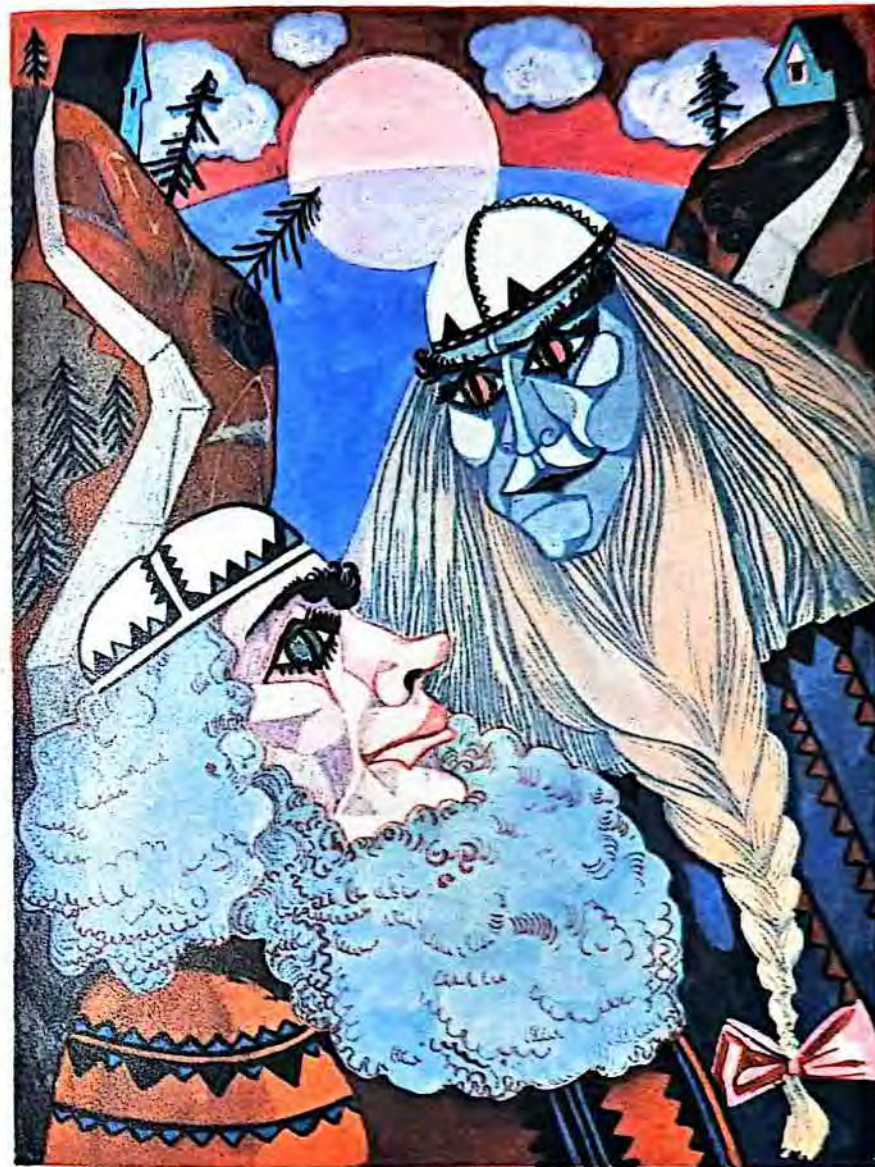
— Всему свой черёд, — ответил Бирребур и, выбрав из горна несколько раскалённых угольков, осторожно, чтобы не опалить бороду, сунул их себе в рот, словно это были леденцы. — Давненько я так хорошо не ужинал! А завтра утром на завтрак я, пожалуй, съем твою кузницу с наковальней и твоих детей. Они мне очень приглянулись!

— Да разве же это еда! — спокойно сказал кузнец. — На завтрак мы найдём что-нибудь повкуснее!

— Не беспокойся, и это сойдёт, — сказал Бирребур. — Гораздо важнее другое: как мне всё-таки изловить солнце? Прямо ума не приложу. И сапоги у меня семимильные, а вот поди ж ты...

— Неужто у тебя настоящие семимильные сапоги?! — воскликнул Паво.

— Конечно, — сказал Бирребур, — ведь я настоящий колдун, и у меня настоящие семимильные сапоги. Но дело даже не в самих сапогах, а в каблуках. Они сделаны из такого железа, что сапоги бегут сами собой.



— Вот так чудеса! — воскликнул Паво. — Бегут сами собой!.. Ну а если подбить такой каблук к чему-нибудь другому?

— Прибей к чему хочешь, и всё побежит так, что и не догнать. Да, кстати, я заметил, что каблук на моём правом сапоге немного сбился на сторону. Подбей-ка его покрепче, а я пока прилягу отдохнуть тут, возле горна, — что-то я устал.

Бирребур сбросил правый сапог, улёгся на земле, засыпанной сажей, и захрапел, да так, как могут храпеть только колдуны после трехдневной прогулки в семимильных сапогах.

А кузнец призадумался.

«Вот он какой! Завтра, говорит, съест моих детей и кузницу. Нет, старый колдун, не бывать этому никогда! Только как же мне с этим чудовищем справиться? Может быть, стащить с него другой семимильный сапог и спрятать подальше? А что толку? Этот проклятый колдун розозлится ещё больше... Ага, я, кажется, придумал. Я оставлю ему оба сапога, но правый сапог починю так, что он не обрадуется!..»

— Ойва, — позвал кузнец старшего сына, — скажи матери, что ночью я буду работать в железнодорожной кузнице. А колдуна не бойтесь, он спит как убитый. — И, взяв подмышку правый сапог колдуна, кузнец ушёл.

В железнодорожной кузнице Паво отодрал каблук от сапога и выковал новый, точно такой же, только из обыкновенного железа. Вот этот каблук он и приколотил к сапогу колдуна.

«Пусть-ка теперь попрыгает на одной ноге!»

Паво даже рассмеялся, когда представил себе, как это будет.

«А что же делать с этой железкой? — думал Паво, рассматривая волшебный каблук. — Не пропадать же даром такому добру!»

Тут как раз приволокли сломанное колесо от паровоза.

«Вот я и припаяю эту железку к колесу», — решил Паво и принялся за дело.

На следующее утро, чуть только колесо поставили на место и машинист дал тихий ход, чтобы испытать машину, па-

ровоз покатила сам собою, словно сорвавшийся с привязи конь. И никакой тормоз не мог его остановить.

Машинист совсем растерялся.

— Стоп! Стоп! — закричал он.

И самое удивительное то, что паровоз остановился и смиренно стоял, словно ожидая новых приказаний машиниста.

— Ну и чудеса! — говорил машинист, покачивая головой. — Да ведь это самый лучший паровоз на свете! И самый быстрый! На таком паровозе за три дня можно половину земного шара объехать!

— Ещё бы! — усмехнулся Паво. — Не зря у него в колесе запрятан семимильный каблук колдуна!

Вот с этих пор, говорят старики, поезда и научились быстро ходить.

Ну, а что же случилось с Бирребуром, когда он проснулся? Вот послушай.

Когда Бирребур открыл глаза, первое, что он увидел, — это свой правый сапог с крепко подбитым каблуком. Он натянул сапог на ногу и, не раздумывая долго, отправился в погоню за солнцем. Но едва он сделал шаг — что такое?! — левая нога вылетела вперёд, точно пушечное ядро, а правая переступала, как самая обыкновенная нога в самом обыкновенном сапоге. И сколько колдун ни понукал правую ногу, она едва тащилась.

«Эдак далеко не уйдёшь!» — подумал Бирребур, с трудом переводя дух. Пришлось ему, прыгая на одной ноге, вернуться в кузницу.

Кузнец никак не ожидал этого, он уже решил, что навсегда избавился от злого колдуна. Поэтому, когда он увидел, что Бирребур, прыгая на одной ноге, возвращается, ему стало не по себе. А Бирребур плюхнулся прямо на землю возле кузницы и, отдышавшись немного, сказал:

— Понимаешь, старина, что-то случилось с моим правым сапогом. Ну не идёт — и всё тут, хоть плачь. Может, ты неправильно прибил каблук? Не могу же я на одной ноге бежать за солнцем.

— Каблук в полном порядке. А бежать тебе больше никуда не надо, — сказал Паво. — Хорошо, что ты вернулся. Я решил помочь тебе и поставил силок на вершине вои той сосны, из-за которой недавно выглядывало солнце. Ждать пришлось недолго, солнце сразу попало в силок. А я тоже времени не терял, схватил его — и в мешок. Так что теперь тебе и бегать за ним не придётся.

— Вот это по-дружески! — воскликнул колдун и от радости даже захлопал в ладоши. — Ты самый лучший кузнец из всех кузнецов от Бернигова пролива до Улеаборга! Ты мне так нравишься, что я готов сейчас же съесть тебя, так как я изрядно проголодался после того, как попрыгал на одной ноге.

— Очень благодарен за честь, — ответил кузнец, — но не хочешь ли сначала взглянуть на нашего пленника?

— Ну, конечно! Конечно! Неси его скорее!

Паво быстро побежал в дом, выхватил из закутка поросянка и сунул его в мешок. А мешок завязал узлом и понёс в кузницу.

— Получай, — сказал он Бирребуру и бросил мешок на землю.

Поросянок отчаянно визжал и брыкался.

— Что, попало? Не нравится в мешке сидеть? — засмеялся Бирребур. — Ничего, ничего, посиди, теперь уж я тебя не выпущу. Теперь на всей земле наступит кромешная тьма! Теперь Бирребир узнает, кто из нас главный колдун! Теперь все колдуны будут меня слушаться!

— Да ты бы хоть посмотрел на него, — сказал кузнец. — Ведь подумать только — не поросянок, само солнце в мешке! — И кузнец стал развязывать узел.

— Что ты делаешь! Ведь оно может выскочить! Уж лучше я сам залезу в мешок, — сказал колдун.

«Это, и верно, лучше», — подумал Паво.

Раз, два, три! — и колдун сидел в мешке, а кузнец сейчас же крепко-накрепко затянул верёвку.

«Мне ещё повезло, что этот колдун так глуп», — подумал кузнец, завязывая на всякий случай ещё один узел.



В мешке поднялась страшная возня и крик.
— Ой, оно кусает меня! — кричал колдун.
— А ты его кулаком! Да посмелее! — подбадривал его кузнец, а потом пошёл в избу, чтобы перевести дух после всех приключений.

Но почему же колдун, который мог одним движением опрокинуть целую стену в избе, не мог разорвать мешка? И вправду — почему? Я и сам не знаю. Может быть, старый колдун вывихнул себе ногу или натёр её в то время, когда скакал на одной ноге? А может быть, он всё-таки был не такой уж хороший колдун? Право, не знаю.

Долго ли Бирребур сидел в мешке, этого я тебе тоже не могу сказать, — в газетах об этом ничего не писали. Но солнце, как ты сам понимаешь, на следующий день взошло, как всегда, и в том месте, где ему положено. Это уж мне известно точно. Слышал я ещё, что добрый кузнец Паво обещал своему пленнику отправить его при случае по железной дороге к Берингову проливу, в те места, где он жил. Колдуну пришлось согласиться, так как на одной ноге сколько ни скачи, в такую даль всё равно не доскачешь. А по железной дороге путешествие будет недолгим — ведь у паровозов теперь семи-мильные сапоги!

Но даже если ехать по железной дороге, солнце всё равно не поймать. Железная дорога так же, как колдуны, боится воды, а солнце имеет дурную привычку вечером садиться в море.

И вот всякий раз, когда я вижу, как дети ловят солнце осколком зеркала и солнечные зайчики разбегаются во все стороны, я вспоминаю двух неудачливых колдунов Бурребира и Бирребура, которые хотели поймать солнце. Попробуй-ка, поймай его!

Жемчужина Адальмины



или когда-то король с королевой и была у них дочка Адальмина. А если у девочки отец — король и мать — королева, значит, это не просто девочка, а принцесса.

Когда принцесса Адальмина родилась, на её крестины, как это принято в сказочных королевствах, были приглашены две феи — розовая и голубая. Обе феи пришли с подарками для новорождённой.

Розовая фея подарила принцессе большую жемчужину. Жемчужина была такой красоты, что все только диву давались. Никто никогда не

видел ничего подобного. Но это ещё не всё! Жемчужина была к тому же волшебная.

— Знайте, — сказала розовая фея, — что вместе с жемчужиной я дарю принцессе красоту, ни с чем не сравнимую, несметное богатство и ум, который всех затмит. Пока принцесса владеет жемчужиной, она с каждым днём будет становиться всё красивее, всё богаче и умнее. Но если она потеряет жемчужину, она потеряет и все остальные мои дары.

Тут вышла вперёд голубая фея и сказала:

— Принцесса Адальмина получила такие прекрасные подарки, что лучше, кажется, и не придумаешь. Но всё-таки и у меня найдётся для неё подарок. Правда, я сделаю его с одним условием: пока у принцессы будет жемчужина, а вместе с ней красота, богатство и ум, мой подарок она не сможет получить. Если же она потеряет свою жемчужину (и вместе с ней потеряет блеск красоты, богатства и ума), тогда она получит от меня, взамен всего утраченного, одну-единственную драгоценность — доброе сердце.

Сказав это, феи простились и исчезли, как два облачка в ясном летнем небе.

Король и королева были не очень-то довольны подарком голубой феи.

— Что-то голубая фея поскупилась, — сказал король. — Не всё ли равно, какое сердце будет у нашей маленькой принцессы? Самое главное, чтобы она была красива, богата и умна. Если все будут восхищаться её красотой, завидовать её богатству и преклоняться перед её умом, она будет самой счастливой принцессой во всём свете. И уж я постараюсь, чтобы наша дочка никогда не потеряла чудесную жемчужину, тогда ей не понадобится бедный подарок голубой феи. Да разве же это подарок для королевской дочери — доброе сердце? Ведь это всё равно, что бросить мелкую монету нищенке на дороге.

Так говорил король. И королева была с ним совершенно согласна.

В тот же день король приказал сделать для принцессы золотую корону. За работу взялся лучший мастер золотых дел.

Трёх дней не прошло — и корона была готова. В середину самого высокого зубца короны вставили волшебную жемчужину. Она так прочно сидела в своём гнезде, что её и силой нельзя было бы вырвать из короны. Но мало этого! Корона была сделана очень хитро: она росла вместе с принцессой и всегда была ей как раз впору. А всякому другому, кто попытался бы надеть её, она была или велика, или мала.

Корону надели на головку принцессы Адальмины, и с тех пор принцесса никогда не расставалась с ней — она и спала в короне, и играла с куклами в короне, и ела в короне.

Кажется, о чём ещё хлопотать?! И всё-таки король и королева так боялись, что Адальмина потеряет свою жемчужину, что строго-настрого запретили ей выходить за ворота королевского сада. И куда бы ни пошла принцесса, всюду за ней неотступно следовали четыре камердинера и четыре камер-фрейлины. Но даже этого королю и королеве показалось мало. Всем придворным и слугам было приказано ни на минуту не спускать с принцессы глаз, а не то им придётся иметь дело с бородатым палачом в красном балахоне и с его страшным топором. А с палачом шутки плохи.

Тем временем принцесса росла, и все предсказания розовой феи сбывались. Красотой своей принцесса Адальмина затмила всех красавиц во всех королевствах. Даже самые прекрасные цветы в саду склоняли перед ней свои головки и говорили: «Во всём свете нет никого лучше тебя!»

О богатстве нечего и говорить. Пол в покоях принцессы был из перламутра и серебра, стены из хрусталя и зеркал, а потолок из золота, усыпанного алмазами. И как всё это чудесно сверкало, искрилось, переливалось при свете солнца! Но ярче всего сияла красота самой принцессы. Принцесса Адальмина ела из золотой посуды, спала на золотой кровати, носила золотые платья. Жаль, что золото нельзя есть (оно слишком твёрдое для зубов), а не то принцесса ела бы золото.

А как она была умна! Ей ничего не стоило разгадать самые хитрые загадки, над которыми бились все министры короля. С одного раза она могла выучить самый трудный урок.

Только заглянет в книгу — и всё уже знает. Королевские мудрецы считали для себя честью, если принцесса устала от их разговора, и все они в один голос говорили, что такой умной принцессы, как Адальмина, на свете никогда не было, нет и не будет, сколько бы свет ни простоял.

Всё это отлично, и можно только радоваться и красоте, и богатству, и уму, но при условии, что ты не теряешь от этого голову. Вот в чём всё дело! А как же не потерять голову, когда король и королева с утра до ночи говорили о том, какая их дочка прелестная, восхитительная, очаровательная, замечательная. Со всех сторон Адальмина только и слышала, что она в тысячу раз прекраснее, богаче и умнее всех людей на свете, и она охотно поверила, что все на свете в тысячу раз хуже, чем она.

Бедная Адальмина! Это было уродливым пятном на её прекрасном лице; это было как нищенская заплатка на её богатых платьях; это было самой большой глупостью, хоть она и славилась своим умом. И это чуть не погубило её.

Розовая фея одарила принцессу Адальмину красотой, богатством и умом. А что подарено — то подарено. Но вот злостью, завистью, жадностью её как будто никто не награждал. Злой, завистливой и жадной она стала сама.

Если Адальмина видела в саду красивый цветок, она спешила растоптать его, потому что красивой могла быть она одна. Если она видела на какой-нибудь принцессе платье, украшенное алмазами и драгоценными камнями, она чуть не лопалась от злости, потому что богатой должна быть она одна. Если она слышала, что кого-нибудь хвалили за ум, она заливалась горькими слезами, стучала кулаками и успокаивалась только тогда, когда ей говорили, что она всё-таки самая умная. Все боялись Адальмину, и никто не любил её. Король с королевой одни в целом королевстве всё ей прощали. А она платила отцу с матерью тем, что ни во что их не ставила.

Однажды, когда принцессе минуло уже пятнадцать лет, она гуляла в саду, окружённом высокой оградой. А за оградой начинался лес.



«Почему бы мне не погулять в лесу?» — подумала принцесса. И она направилась к воротам.

Но ворота были крепко заперты, и никто не смел открыть их. Кому охота иметь дело с палачом!

Все четыре камердинера и четыре камер-фрейлины, всегда сопровождавшие принцессу, в первый раз отказались выполнить её желание. А ведь она привыкла, чтобы всякое её желание исполнялось.

Принцесса так разгневалась, что стала бить своих слуг по лицу, а потом — никто и глазом моргнуть не успел — перелезла через ограду и бросилась в лес.

Четыре камердинера, четыре камер-фрейлины и вся королевская стража кинулись за ней вдогонку. Но она бежала так быстро — всё дальше и дальше в глубь леса, — что они скоро потеряли её из виду. Наконец принцесса Адальмина убедилась в том, что за ней никто уже не гонится, и присела у ручья, чтобы немного передохнуть.

Первый раз в жизни она узнала, что такое усталость, и ей захотелось пить. Но поблизости не было никого, кто с поклоном поднёс бы ей воду в хрустальном стакане на золотом блюде. А пить всё-таки хотелось, и ей пришлось наклониться над ручьём и черпать воду пригоршнями. В воде, словно в зеркале, отражалось её лицо, и принцесса Адальмина, как всегда, стала собой любоваться.

«Ну, конечно же, нет никого красивее меня», — думала Адальмина. Она всё ниже и ниже наклонялась над ручьём, чтобы получше себя разглядеть, и вдруг — Адальмина даже не заметила этого — золотая корона свалилась у неё с головы и в один миг исчезла под водой. А вода всколыхнулась, и по ней пошли круги. Потом всё успокоилось, и вода опять стала чистой и прозрачной, как зеркало. Принцесса Адальмина снова наклонилась над ручьём, чтобы ещё раз полюбоваться собой, и что же она увидела? Из воды на неё смотрела какая-то нищенка, с непокрытой головой, в старом рваном платье. Она никак не могла понять, что это она сама. У неё словно ум отшибло. И так ей стало страшно, что она бросилась бежать — не разбирая дороги, куда глаза глядят.

А дело было уже к вечеру. В лесу быстро стемнело. За каждым кустом Адальмине чудились волки, да они и в самом деле вышли на охоту, и из глубины леса то и дело слышался их протяжный вой.

И вдруг вдалеке мелькнул огонёк. Из последних сил Адальмина побежала в ту сторону и скоро увидела между деревьями маленькую хижину. Адальмина робко постучала в дверь. На крыльцо вышла старушка, хозяйка хижины.

— Бедное дитя, — сказала старушка, — откуда ты идёшь так поздно? Ты, наверное, заблудилась в лесу? Как зовут тебя?

Но Адальмина ничего не могла ей ответить. А старушка не стала допытываться, кто она и откуда идёт.

— Верно, у тебя нет никого из близких, — сказала старушка. — Если хочешь, оставайся у меня. Помогу тебе пасти моих коз, и уж кусок хлеба и миска похлёбки для тебя всегда найдутся в моём доме. А по праздникам — даже кружка козьего молока.

Адальмина была так благодарна старушке за то, что она приютила её, что даже поцеловала её руку.

Вот и стали они жить вместе. Старушка нарадоваться не могла на свою помощницу — такая она была ласковая, приветливая, услужливая. За всякое дело бралась весело, и поделит, и приберёт, и песенку споёт.

«В жизни своей такой доброй души не видела», — думала старушка.

Только ничего удивительного в этом не было. Просто голубая фея исполнила своё обещание.

А в королевском замке тем временем начался страшный переполох. Подумать только: принцесса исчезла, и никто не знает, где она. Сначала король решил казнить камердинеров и камер-фрейлин, сопровождавших принцессу. Но несчастные камер-фрейлины так горько плакали, а обезумевшие от страха камердинеры так молили о пощаде, что сердце короля смягчилось, и он приказал бросить их в каменную башню, куда не проникал ни луч солнца, ни свет луны. Но всё это мало помогло в беде — принцессы как не бывало.

Король и королева дни и ночи оплакивали свою дочку. Король приказал всем надеть чёрные траурные платья и послал гонцов во все концы света, чтобы они объявили повсюду о его высочайшей воле: кто найдёт принцессу, получит её в жёны и половину королевства в придачу. Таков уж был обычай в сказочных королевствах — это каждый знает.

И вот прекрасные принцы, знатные юноши и храбрые рыцари поскакали во все стороны по всему свету искать принцессу Адальмину. Всем хотелось жениться на самой красивой, самой богатой, самой умной принцессе и в придачу получить ещё полкоролевства. Только вот беда — принцессы и след простыл. Никто не мог найти даже золотого каблучка от её туфелек.

Однажды смелый и прекрасный принц Сигизмунд Франк-ландский, который тоже не прочь был жениться на принцессе Адальмине, скитаясь по лесам, увидел хижину бедной женщины, приютившей бездомную бедную девушку. На старушке было чёрное траурное платье, и даже козы на пригорке были чёрные, словно и они надели траур.

— Скажи, бабушка, не проходила ли здесь принцесса? — спросил принц.

— Тут и служанка принцессы не проходила, — сказала старушка. — Да и, правду сказать, нечего об этой принцессе горевать и убиваться. Говорят, что она была красивая, богатая и умная, а нрав у неё был злой. Кто женится на ней — наплачется.

Пока они так разговаривали, Адальмина пригнала козочек к дому. Посмотрел на неё принц и, хотя красотой она не отличалась и одета была бедно, всем сердцем полюбил её с первого взгляда.

«А ведь правду говорит старушка, — подумал принц. — На что мне эта принцесса? Пусть другие её ищут. А я построю себе здесь замок и останусь тут жить». Сказано — сделано. Принц построил замок у того самого ручья, где Адальмина потеряла свою жемчужину. Однажды в жаркий летний день принц сидел возле ручья. И вдруг он увидел, что на дне что-то блестит.



«Что бы это могло быть?» — подумал принц.

Он опустил руку в воду и достал со дна золотую корону с жемчужиной необыкновенной красоты.

«Может быть, это жемчужина Адальмины?» — подумал принц. И он понёс корону в королевский дворец.

Едва король и королева увидели золотую корону с жемчужиной, как оба воскликнули в один голос:

— Корона Адальмины! Жемчужина Адальмины! Ах, где она сама, где наша прекрасная принцесса, где наша дорогая дочка?!

Король вспомнил слова розовой феи и понял, что случилось то, что она предсказала: Адальмина потеряла свою жемчужину и теперь скитается где-то некрасивая, бедная, бездомная, никому не известная.

Король подсчитал, что, если Адальмина ещё жива, ей теперь восемнадцать лет. Поэтому он приказал объявить по всему королевству, чтобы все девушки восемнадцати лет явились во дворец примерить корону. И ту из них, которой корона придётся впору, король признает своей дочкой, принцессой Адальминой, и принц Сигизмунд Франкландский женится на ней.

Не удивительно, что все девушки тотчас поспешили к королевскому дворцу. Даже те, которым было больше восемнадцати или меньше восемнадцати, сделали вид, что они забыли об этом.

И вот по крайней мере тысяча девушек собралась перед королевским дворцом, желая попытать счастья.

Весь день, с самого раннего утра, золотая корона переходила с одной головы на другую. Но вот беда: никому она не была впору, одной немножко велика, другой чуть-чуть мала.

— Король просто смеётся над нами, — говорили девушки, — надо бросить жребий, и кому он выпадет, тот и получит корону, а вместе с ней и принца.

— Нет, — сказал король, — день ещё не кончился, ещё может прийти та, которой корона будет как раз впору.

Если король говорит «нет», ничего не поделаешь, надо ему подчиниться.

У ворот поставили часового и приказали ему смотреть в оба за всеми, кто покажется на дороге.

— День клонится к вечеру, часовой, видишь ли ты кого-нибудь на дороге? — спросил принц.

— Я вижу, как цветы опускают свои головки, готовясь ко сну, — ответил часовой. — Но на дороге нет никого.

— Вечер кончается, часовой, не видишь ли ты кого-нибудь на дороге? — снова спросил принц.

— Облако проплывает над заходящим солнцем, и птицы в лесу прячут головы под усталым крылом. Но я не вижу никого на дороге, — снова отвечал часовой.

— Скоро наступит ночь, часовой. Не идёт ли кто-нибудь по дороге? — ещё раз спросил принц.

И часовой ответил:

— Я вижу маленькое облачко пыли там вдали, у опушки леса. Вот оно приближается. Теперь я вижу на дороге бедную пастушку, которая гонит перед собой коз.

— Примерим корону пастушке, — сказал король.

— Да-да, примерим корону пастушке, — сказал принц.

Тут все девушки закричали в один голос:

— Нет! Нет! Неужели эта пастушка больше похожа на принцессу, чем мы?

Но король приказал привести пастушку, и — о чудо! — корона оказалась как раз ей по голове: ни мала, ни велика, а словно на неё сделана. Тут солнце закатилось и стало совсем темно, так что лица пастушки нельзя было разглядеть.

— Неужто эта нищенка — наша Адальмина?! — шептались между собой придворные. — Какой ужас! Бедный принц Сигизмунд! И на этой дурнушке он должен жениться!

Тем временем пастушку с короной на голове ввели в королевский зал, сиявший тысячами восковых свечей. И тут только все увидели, что перед ними и вправду принцесса Адальмина в расшитом золотом платье, прекрасная, предельная, восхитительная, очаровательная, замечательная. Ведь вместе с жемчужиной к ней вернулись все дары розовой феи. Но самое главное то, что у неё осталось доброе, отзывчивое сердце — подарок голубой феи.

Адальмина со слезами вспоминала, какой она была гадкой, злой, жадной, и просила всех, кого раньше обижала, простить её.

Все с удивлением смотрели на принцессу и не верили своим глазам и ушам.

А принц Сигизмунд сказал:

— Я полюбил её всей душой, когда она была простой пастушкой. Теперь, когда она стала принцессой, она мне так же мила.

Было уже совсем поздно, но Адальмина сказала, что ей радость не в радость, пока она не приведёт во дворец старушку, которая приютила её и делила с ней кров и хлеб целых три года.

Вместе с принцем Сигизмундом она отправилась в лес, и скоро они вернулись втроём.

Король хотел наградить старую женщину золотом, а королева просила её остаться жить во дворце, но старушка от всего отказалась.

— Золотое сердце Адальмины — вот моя награда, — сказала она.

На другой день начали готовить свадебный пир. Никогда ещё не было такого веселья в королевском дворце. Четыре камер-фрейлины и четыре камердинера были освобождены из темницы, а страшный палач в красном балахоне спрятал свой топор в угол.

Во всём королевстве все от мала до велика веселились и пировали. И все говорили:

— Прекрасна жемчужина Адальмины, но ещё прекраснее её доброе сердце!

Флюгерный петух

С

ейчас вы услышите удивительную сказку, которую можно было бы назвать «Наказанное высокомерие». А можно и как-нибудь по-другому, например: «Не задавайся!» Или так: «Высоко сидишь — низко падаешь». Одним словом — кому как нравится, так пусть и назовёт эту сказку.

А сказка такая.

Жил-был флюгерный петух. Он сидел на крыше городской ратуши — самой высокой крыше во всём городе. Не удивительно поэтому, что он возомнил о себе невесть что. Даже червяк в малине, за

бравшийся на верхнюю веточку, начинает важничать, а уж флюгерный петух и подавно. Шутка ли — подняться на такую высоту!

Откуда этот петух был родом, как его занесло на крышу — этого никто не мог сказать. Но я думаю, что его отец не был простым петухом. Вернее всего, что отцом его был плотник, который вырезает из дерева разные украшения для домов: орлов, драконов, львов и всяких других зверей. Он-то, наверное, и вырезал этого петуха из куска дерева, а потом водрузил его на самую высокую крышу.

А может быть, дело было и не так. Может быть, петух жил когда-то в курятнике у злой волшебницы. Волшебница за что-нибудь рассердилась на него (ну хотя бы за то, что он слишком громко кукарекал) и в наказание превратила его в деревянного петуха — волшебнице ведь это ничего не стоит!

Конечно, утверждать, что это было именно так, я не могу. Да и никто не может. Верно только то, что деревянный петух сидел высоко-высоко на башне городской ратуши. Ни одно дерево не могло дотянуться до него, ни один дом не мог его заслонить. Он восседал так высоко, что земля казалась ему лепёшкой, а люди мухами, ползающими по этой лепёшке.

У флюгерного петуха был великолепный красный гребень, зелёные глаза, величиною с тарелку, и огромный хвост. В его деревянном брюхе поместилось бы три мешка зерна. И спеси в нём было не меньше. А всё только потому, что он был такой большой и сидел на самой высокой крыше.

Все петухи заносчивы, это давно известно. Взгляните на обыкновенного петуха, когда он взобрался на мусорную кучу и, вытянув шею, смотрит на вас выпученным глазом, — так и кажется, что он хочет сказать: «Ну кто ты такой? Что за жалкая тварь? А я — петух!»

У флюгерного петуха самодовольства было больше, чем у всякого другого. И это неудивительно. Ведь у обыкновенных петухов век недолгий, и вся важность слетает с них вместе с перьями, чуть только они попадают в руки повара. А уж когда они лежат на блюде под разными соусами или бруснич-



ным вареньем, вид у них совсем смиренный и прежней спеси как не бывало.

А флюгерный петух знал, что на жаркое он не годится, и это прибавляло ему важности. Особенно он гордился тем, что умеет, как никто другой из его собратьев, держать нос по ветру. И куда бы он ни поворачивал свой нос, на что бы ни таращил свои глазища, он никогда не видел никого, кто был бы на него похож. Вот он и вообразил, что он лучше всех на свете.

«Я великий петух, знатный, могущественный, — думал он о себе. — И эта ратуша выстроена для меня, чтобы я мог занять самое высокое место в мире. И люди приходят сюда для того, чтобы увидеть меня и оказать мне почести. Вот какой я великий, знатный и могущественный петух!»

Но, по правде сказать, он нередко скучал, сидя на своей самой высокой крыше. Летать он не мог, еда ему была не нужна, дела у него никакого не было — знай себе держи нос по ветру и поворачивайся, куда ветер захочет. Иногда он даже с завистью посматривал на обыкновенных кур, которые шествовали друг за дружкой к мусорной куче и весело рылись в ней, отыскивая зёрнышки.

Однажды над ратушей пролетала ворона и задела крылом флюгерного петуха. Его так и передёрнуло всего. Подумать только: простая ворона, а посмеда подняться на такую же высоту, как и он. А ворона как ни в чём не бывало усеялась на крыше и закаркала:

— Крра! Крра! Привет, дружище! Как здоровье?

Флюгерный петух только заскрипел от возмущения. На его счастье в это время налетел ветер, и петух повернулся к вороне спиной.

— Мне кажется, — сказал он наконец, — что ты могла бы обращаться ко мне более почтительно, ну, по крайней мере, называть меня хотя бы «ваше сиятельство».

— Скажите, пожалуйста! — воскликнула ворона. — Что ещё придумал! А всё от безделья! Ну да ладно! Сиятельство так сиятельство! Не скучаете ли вы, ваше сиятельство? По моему, вам следовало бы жениться.

— Жениться? Но где мне найти курицу — знатную, занимающую высокое положение в свете, словом, такую, к которой я мог бы посвататься, не уронив своего достоинства?

— Вы правы, ваше высочайшее сиятельство, такую курицу действительно нелегко найти. Что-то я не припомню, чтобы когда-нибудь существовали флюгерные курицы. А может быть, вам заняться какой-нибудь работой — тогда и время пойдёт быстрее, и веселее будет.

— Работать? — Петуха так и распирало от возмущения. — Ты забываешь, — прокрипел он, — что я, как-никак, знатного рода. В нашем роду никто никогда не работал. У нас это не принято.

«Да ну его!» — подумала ворона и улетела.

А важный, знатный флюгерный петух остался на своём насесте в одиночестве. Ну хоть бы когда-нибудь взмахнул крылом! Ну хоть бы раз прокричал кукареку! Нет, ему было лень самому шевельнуться. Он ждал, когда подует ветер, и тогда со скрипом поворачивался. У него была одна только забота — держать нос по ветру.

Но слушайте, что было дальше.

В один прекрасный день, когда петух по обыкновению таращил свои зелёные глазища и старался придать себе умный вид, — хотя в голове у него не было ни единой мысли, — он увидел перед ратушей большую толпу.

«Что бы это значило? — с удивлением подумал флюгерный петух. — Почему собралось столько людей? Может быть, они пришли, чтобы полюбоваться мною и выразить мне своё почтение?»

Но он ошибся. Никто на него даже не смотрел. А дело было вот в чём. В город приехал бродячий цирк, и весёлый канатоходец Караматти со своими детьми — мальчиком и девочкой — решили показать представление и позабавить публику. Для этого они натянули канат между колокольной и башней городской ратуши, и маленькие циркачи прыгали на нём и выделывали разные фокусы.

Вдруг маленький Караматти, пробежав по натянутому канату, помахал собравшимся зрителям рукой и, как кошка,

стал взбираться на башню, где сидел флюгерный петух. Цепляясь за железные листы, он карабкался всё выше и выше, пока не добрался до петуха.

— А-а! — вскрикнул флюгерный петух и весь покраснел от негодования.

Но маленький Караматти не испугался. В одно мгновение он вскочил петуху на спину, уселся поудобнее и стал кричать, как настоящий лихой наездник:

— Гоп! Гоп! Ну, скачи, лошадка моя! Скачи быстрее!

Сначала флюгерный петух думал, что от такой неслыханной дерзости обрушится ратуша. Но ратуша всё так же стояла на месте, даже не дрогнула. Тогда петух, ослеплённый гневом, начал кидаться во все стороны. На самом-то деле это не сам он вертелся, это маленький наездник ударял его своими пятками в бока и заставлял поворачиваться то туда, то сюда.

А толпа внизу кричала:

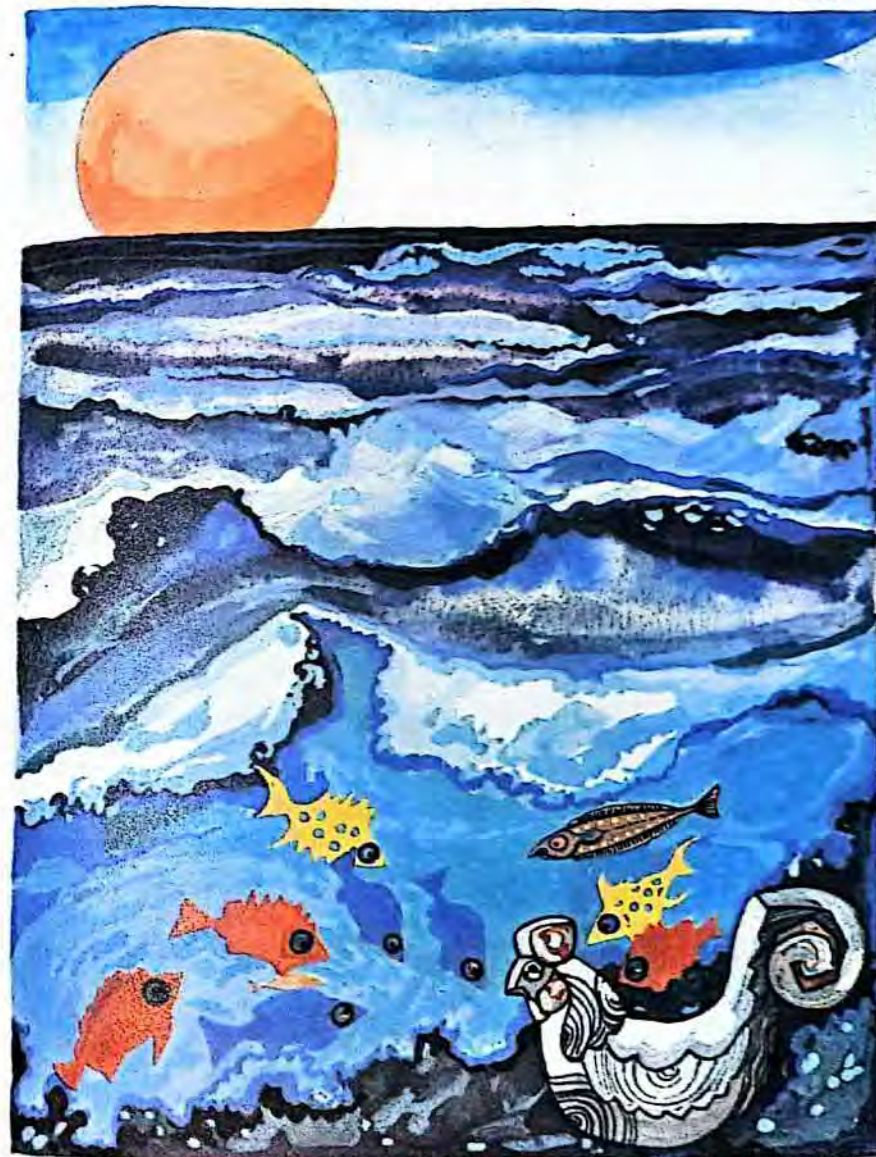
— Браво! Браво, маленький Караматти! Брависсимо!

Что оставалось флюгерному петуху? Только одно — терпеть!

И так бывает всегда: если кто-нибудь очень уж заважничает, обязательно найдётся маленький Караматти, который собьёт с такого умника спесь.

Но флюгерный петух не стал умнее после этого случая. Год за годом сидел он на кончике башни и всё ждал, когда же к нему придёт настоящая слава. Может быть, он думал, что его позолотят? Или надеялся, что его провозгласят великим петушиным султаном, — как знать?.. А время шло, он старился, дерево начало гнить, краска облезла, и только по-прежнему ветер вертел им, как хотел. И всякий раз, когда флюгерный петух поворачивался, у него обламывалось то крыло, то хвост, то гребешок, то ещё что-нибудь.

Однажды над городом пронеслась буря. Яростный ветер сорвал петуха с его насеста и понёс к морю. Ветер долго кружил его, то подбрасывал, то подхватывал, а потом с размаху швырнул в пенистые волны. Вот-то удивились все рыбы! Они даже разинули рты, увидев такое чудовище.



В конце концов несчастного петуха выбросило на берег. И он лежал там — промокший, облезлый, ободранный — пока его не нашли дети. Они жили со своей матерью в маленькой избушке на самом берегу моря.

— Погляди, — сказал мальчик своей сестрёнке, — из этого петуха можно сделать отличное пугало. Мы поставим его на огороде, и тогда воробьи и вороны не будут клевать наш горох. Идём скорее, надо найти длинный шест, чтобы пугало было хорошо видно!

И вот на старости лет флюгерный петух стал огородным пугалом. Правда, он и теперь занимал довольно высокое положение и на обыкновенных петухов и кур смотрел сверху вниз, но всё-таки знать, что тебя называют пугалом, было обидно.

Однажды в огород залетела ворона, чтобы полакомиться горохом.

— Ой! — вскрикнула она, увидев пугало, и повернула прочь.

Она уселась на дерево, снова оглянулась и тут узнала старого знакомого.

— Крра! Крра! — закаркала ворона. — Здорррово, друг! Так это вы, ваше сиятельство, стали пугалом? Как же это случилось? А ведь вам, ваше сиятельство, это очень подходит! Прравда! Прравда! Уверяю вас!

И несколько не стесняясь, она вернулась в огород и стала клевать горох под самым носом флюгерного петуха.

А петух должен был смотреть на это, слушать все обидные насмешки и молчать. Ничего другого ему не оставалось.

Вот и вся история про флюгерного петуха.

Он, верно, и сегодня сидит на высоком тонком шесте посреди огорода. Да только мало кто его боится.

Солнечный Луч в ноябре

М

уравьи работали без отдыха и срока. Стоял ноябрь, а делу не видно было конца.

Прежде всего надо было наглухо законопатить все щели и щёлочки, чтобы никакой мороз и ветер не пробрался в муравьиное жилище.

Потом нужно было обойти все кладовые и проверить, достаточно ли там запасов, чтобы прожить пять или шесть месяцев в заточении.

Потом хорошенько укрепить все входы и выходы на случай вражеского нападения.

Потом расчистить все муравьиные дорожки, чтобы на

них не осталось ни одного сухого листка, ни одной иголки.

И, наконец, надо было залезть на самое высокое дерево и оттуда наблюдать за всем, что делается на свете. А главное — следить за облаками, чтобы не пропустить приближения зимы.

Но не одни только муравьи готовились к встрече зимы. Этим были заняты все жуки, пауки, букашки, козявки — а их на свете 94 квинтильона 18 квадрильонов 400 триллионов 520 миллиардов 880 миллионов 954 тысячи 369!

Попробуй-ка напиши это число!

Мне сказали, что этих букашек ровно столько, но я не поручусь, что это правильно. Может быть, их всего только 94 квинтильона 18 квадрильонов 400 триллионов 520 миллиардов 880 миллионов 954 тысячи 368.

Земля уже покрылась инеем — семь миллионов застывших капель, семь миллионов жемчужин было рассыпано по земле, и никто их не поднимал.

Увядавшие стебельки трав и деревья оделись в тёмные, печальные платья, и только сосны и ели остались в своих зелёных шубах, которые они никогда не снимали.

Ветры — резвые сыновья воздуха — сметали с облаков белые пушистые хлопья, чтобы укрыть землю.

Замерзающие волны напевали у берегов свою грустную песню, пока наконец сами не заснули под твёрдым ледяным покровом. Всюду было холодно, пасмурно, печально...

И вдруг в это ненастное время блеснул Солнечный Луч. Он пробился сквозь тёмную снеговую тучу, заблестел на жемчужинах инея, осветил увядшую траву, помертвевшие деревья, мрачные сосны, взглянул на трудолюбивых муравьёв, на все 94 квинтильона букашек, жуков, пауков — сколько их в точности, я уже позабыл, — и в одно мгновение всё кругом изменилось.

— Что это? — с удивлением сказал филин и зажмурил глаза.

Он сидел на высокой сосне и пел басом: «Осень пришла, я слышу свист бури...» Голос у него был хриплый, скрипучий,



но теперь, когда все певчие птицы улетели, и он мог сойти за певца.

— Это ни на что не похоже! — снова сказал филин. — Я даже начинаю фальшивить. Солнце совсем ослепило меня, и я не вижу, что написано в нотах.

Муравьи тоже были недовольны.

— Это никуда не годится! — говорили они с возмущением.

Они с большим трудом только что кончили нанизывать жемчужный иней на стебельки трав, а тут вдруг совершенно некстати блеснул Солнечный Луч, и все жемчужины начали таять.

— Нет, это никуда не годится! — ворчали муравьи. — Убирали, убирали, и вот опять всюду слякоть и грязь!

Но пока они ворчали, Солнечный Луч побежал дальше.

Он скользил по чёрной, голой земле и вдруг наткнулся на засохший осиновый листок.

Сюда, под этот листок, забился полевой кузнечик. Целое лето он трещал и прыгал, нисколько не заботясь о том, что с ним будет зимой, и вот теперь лежал полумёртвый от голода и холода.

«Наверно, зима уже кончилась и вернулось лето», — подумал кузнечик, пригретый Солнечным Лучом.

И ему стало так весело, что он снова затрещал, застрекотал и стал выкидывать такие коленца, что увядший осиновый листок и тот запрыгал вместе с ним.

А добрый Солнечный Луч как будто летел на трепещущих крыльях всё дальше и дальше.

Вот он скользнул по замёрзшему пруду, засверкал на ледяной глади. Здесь уже толпились школьники. Все они смеялись и кричали. Мальчики вычерчивали только что натыченными коньками затейливые узоры на льду, а девочки стояли у берега и осторожно — то одной ногой, то другой — пробовали лёд.

— Не нужно ли кого-нибудь согреть? — спросил Солнечный Луч.

— Нет, нет! — закричали ребята. — Нам и так жарко!

— Только, пожалуйста, лёд не растопи! На коньках кататься так весело!

— Ну, если вам и без меня хорошо, я побегу дальше, — сказал Солнечный Луч.

Около поникшей печальной берёзы он снова остановился.

— О чём ты горюешь? — спросил Солнечный Луч. — Может быть, я могу утешить тебя?

— Нет, — ответила берёза, — меня не надо утешать. Ведь я знаю, что, когда придёт весна, я снова зазеленею и стану ещё лучше, ещё красивее прежнего.

И Солнечный Луч побежал дальше.

Вот он заглянул в окно маленького домика и увидел девочку, которая стояла около цветочного горшка и горько плакала.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь тебе? — спросил Солнечный Луч.

— Да, да, как раз ты мне и нужен! — обрадовалась девочка. — Я посадила весной миртовый отросточек. Всё время он так хорошо рос в горшке, а вот теперь совсем завял!

— Ну, этому горю легко помочь, — сказал Солнечный Луч.

И он засветил так приветливо и тепло, что миртовый росток сразу ожил, а у девочки высохли на глазах слёзы.

— До свидания! Весной я вернусь опять! — сказал на прощание Солнечный Луч и побежал дальше.

Ему пора было уже возвращаться домой. Но всё-таки он не утерпел и заглянул ещё в одно окошко.

На этот раз он попал в большую комнату, где всё было перевёрнуто вверх дном: ящики из комода выдвинуты, все вещи разбросаны. По комнате суетилась старушка и в десятый раз перекладывала всё с места на место. Старушка искала связку ключей. Только что они лежали вот здесь, на столе, а теперь точно сквозь землю провалились.

— Вот они! — весело воскликнул Солнечный Луч и уткнулся в связку ключей, словно показывая на них пальцем.

— Ах, да вот же они! — обрадовалась старушка. — Хорошо, когда Солнечный Луч проглянет. Всё тогда идёт на лад!

А Солнечный Луч уже исчез в окне. Он вдоволь набегался в этот день, и теперь ему надо было спешить. Тяжёлые, чёрные тучи уже затянули всё небо, и только в одном месте оставалась щёлочка, через которую Солнечный Луч мог проскользнуть. Хорошо, что он был такой быстрый, — в один миг он очутился за четырнадцать миллионов миль, у самого солнца.

Он вернулся как раз вовремя.

Тучи плотно сошлись, и тёмная завеса опустилась над землёй.

Но Солнечный Луч не унывал — он знал, что это не навсегда. Поэтому он уселся на самый край солнца и ждал только удобного случая, чтобы снова соскользнуть вниз.

И каждый раз, когда он вспоминал своё путешествие на землю в пасмурный ноябрьский день, он начинал сиять так, как будто уже наступило лето. И в этом нет ничего удивительного: если тебе удалось хоть немного утешить или развеять кого-нибудь, ты можешь считать, что сделал хорошее дело.

Дважды два- четыре

З

аяц и белка были так дружны, что запросто называли друг друга по именам: белка звала зайца Косым, а заяц белку — Рыжехвостой.

Каждый день, встречаясь в лесу, Косой и Рыжехвостая весело приветствовали друг друга.

— С добрым утром, Косой! — говорила белка, помахивая пушистым хвостом.

— С добрым утром, Рыжехвостая! — говорил заяц похлопывая лапками по ушам.

— Ты не слышала сегодня лая собаки?

— Да, сегодня ночью опять лаял Приссе. Но ведь он лает каждую ночь. Я не обращаю на него никакого внимания.

— Ещё бы! Кто же обращает внимание на Приссе! — небрежно ответил Косой. — Приссе бояться нечего, даже если бы он был ростом с лошадь.

Поговорив таким образом, друзья шли на промысел.

— Всё, что мы найдём, мы будем делить с тобой поровну, — говорила белка. — Ты получишь ровно столько, сколько я, — не меньше и не больше, а я получу ровно столько, сколько ты, — не больше и не меньше.

— Я согласен, — отвечал Косой.

Сказано — сделано. И друзья отправлялись в путь.

Когда им попадалась на пути рябина, белка взбиралась на дерево и сбрасывала красные ягоды Косому — ровно столько, сколько съедала сама, не больше и не меньше. Когда же им случалось проходить мимо капустного поля, Косой отгрызал сочные кочерыжки и приносил их Рыжехвостой — ровно столько, сколько съедал сам, не меньше и не больше.

И вот однажды на большой проезжей дороге Косой и Рыжехвостая нашли четыре крупных румяных яблока. Это было так удивительно, что Косой и Рыжехвостая прямо не верили своим глазам. Откуда могли взяться на дороге эти яблоки?

А дело было очень просто.

Совсем недавно по этой самой дороге шёл мальчик по имени Калле. Он шёл в школу и на плече нёс сумку, в которой лежали ломоть хлеба, кусочек сыру и четыре яблока. Эти яблоки Калле получил от матери в награду за хорошие отметки.

Да вот беда — сумка была дырявая, и через дыру все яблоки выкатились на дорогу.

Но как бы там ни было, Косой и Рыжехвостая нашли эти яблоки и принялись их делить.

Сперва показала своё искусство в арифметике белка. Она быстро решила эту трудную задачу: Косому досталось одно яблоко, а белке — три.

— Погоди... — сказал Косой неуверенно. — Мне кажется, что ты ошиблась. Дай-ка, я сам разделю!



Тут только Косой понял, как трудно не ошибиться, когда делишь яблоки.

У Косого была своя арифметика, и на этот раз белка получила одно яблоко, а Косой — три.

— Нет, постой-ка, — сказала белка. — По-моему, ты тоже ошибся. Давай попробуем ещё раз.

Конечно, и Косой и Рыжехвостая были не очень сильны в арифметике, но всё-таки оба они отлично понимали, что одно яблоко — это меньше, чем три, а три яблока — больше, чем одно.

И они снова стали ломать себе голову, раздумывая над тем, как бы поделить эти яблоки совсем поровну.

А тем временем Калле шёл себе в школу. И вот по дороге ему захотелось полакомиться свежим яблочком. Калле сунул руку в сумку... Но напрасно он шарил в ней — яблок как не бывало. Зато на дне сумки Калле нащупал порядочную дыру.

«Выкатились на дорогу, — с грустью подумал Калле. — Пойду поищу — может, никто их ещё не подобрал».

И он повернул обратно в надежде найти своё потерянное сокровище.

Не прошёл Калле и ста шагов, как увидел на дороге зайца и белку. Они сидели у края придорожной канавы и о чём-то спорили.

— Поглядите-ка! Это Косой и Рыжехвостая! — воскликнул Калле. — Скажите, друзья, не видели ли вы моих яблок?

— Нет, твоих не видели. Но у нас есть свои, — сказала белка. — Да вот, кстати, не поможешь ли ты нам разделить поровну четыре яблока? Сколько уж времени мы бьёмся, а никак не можем поделить их так, чтобы одному досталось столько же, сколько другому, — не больше и не меньше.

— Ну, это совсем просто, — сказал Калле. — Каждому следует по два яблока.

— Да неужто! — воскликнули Косой и Рыжехвостая в один голос. — Откуда ты это знаешь?

— Как же мне не знать, что четыре разделить на два — два, а дважды два — четыре! — важно сказал Калле. — Я ведь хожу в школу!

— Это удивительно! — Косой и Рыжехвостая переглянулись. — Разве в школе учат, что дважды два — четыре?

— В школе всему учат, — сказал Калле.

— Подумать только! И ты всё знаешь?

— Да, почти всё. Я считаю свободно до семью семь, но дальше немного сбиваюсь.

Косой и Рыжехвостая смотрели на него во все глаза и не могли надивиться его премудрости. Они решили тотчас последовать умному совету, вытащили яблоки из канавы и приготовились делить их по всем правилам арифметики.

— Да ведь это же мои яблоки! — закричал Калле.

— Смотри-ка, он и это знает! — воскликнули Косой и Рыжехвостая. — Этот мальчик, наверно, знает всё на свете! Как хорошо было бы поступить в школу и стать таким же учёным, как он!

— Ну что же, пойдёмте со мной, — сказал Калле. — Я как раз иду в школу. Но имейте в виду: вы должны залезть под скамейку и сидеть там совсем смирно, потому что в классе никому не позволяют шуметь.

— А там собаки, случайно, нет? — спросил Косой.

— Собаки? Откуда же в школе может быть собака? Разве что украдкой проберётся Приссе, но его сейчас же выгоняют. Да и кто же его боится?

— Конечно, бояться его нечего, — сказал Косой. — Ну а если он всё-таки вздумает кусаться?

— Кусаться? Да он и кусаться-то не умеет, — сказал Калле. — Ведь это самый добродушный пёс на свете! Даже когда я тяну его за хвост, он только смеётся.

— Смеётся?

Косой и Рыжехвостая опять переглянулись. Они никогда не слышали, чтобы собаки смеялись. Но, видно, в школе можно всему научиться! Может быть, и они научатся смеяться?

Друзья решили непременно идти в школу.

— Мы, кажется, не трусы! — сказал заяц.

И вот Косой и Рыжехвостая храбро запрыгали по дороге.

Скоро они все втроем пришли в школу.
Ребята уже рассаживались по местам. Калле сел на своё обычное место, а Косой и Рыжехвостая юркнули под скамейку, да так быстро, что их никто даже не заметил.

В это время прозвенел звонок и в класс вошёл учитель.

— Сегодня мы будем повторять таблицу умножения, — сказал учитель. — Кто мне скажет, сколько будет восемью восемью?

«Ого, это помудреннее, чем дважды два», — подумали Косой и Рыжехвостая и наострили уши.

Но тут дверь чуть-чуть приоткрылась и в класс прошмыгнул Приссе.

По всему его виду можно было сразу догадаться, что его не раз выгоняли отсюда. Он поджал хвост и неслышно пополз на брюхе, норовя поскорее забраться под скамейку.

И вдруг Приссе насторожился — он почуял поблизости что-то подозрительное. Приссе стал водить носом, шерсть на нём поднялась дыбом, и он заворчал.

— Ты опять здесь, Приссе! — закричал учитель. — Сейчас же убирайся! Пошёл вон!

Но Приссе словно не слышал, что ему говорил учитель. Он был уже около той скамейки, где сидел Калле, и, забыв все правила школьного поведения, яростно залаял.

И вдруг — фыи-и-ть! — что-то пронеслось по скамейкам, замелькало по столам, и на середину класса выскочили заяц и белка.

К счастью, окно было открыто.

Ого, как бросились они удирать!

А вдогонку за ними, заливаясь лаем, мчался Приссе.

Ну и переполох начался в классе! Все повскакали с мест и бросились к окну. Крик поднялся такой, какого даже на перемене не бывает, и никто в этой сумятице так и не узнал, сколько же будет восемью восемью.

А тем временем Косой и Рыжехвостая со всех ног улепетывали от добродушного Приссе.

Впрочем, на этот раз его никак нельзя было назвать добродушным. Сейчас он внушил бы страх хоть кому — хвост





трубой, пасть разинута, глаза навывкате. Он даже не мог лаять, а тоненько, пискливо тявкал — совсем так, как тявкают его сородичи, настоящие охотничьи собаки, когда нападают на свежий след зайца.

Ещё немного — и он настиг бы свою добычу. Но Косой и Рыжехвостая были уже на опушке.

Одним духом белка взобралась на высоченную сосну и спряталась в её густых ветвях.

Приссе волчком закружился вокруг сосны. Он бешено лаял и рычал, но разве это могло помочь! Рыжехвостая была не так глупа, чтобы вылезти из своего убежища.

А пока Приссе лаял и прыгал вокруг сосны, Косой, не теряя времени, скрылся в лесу.

Так Приссе и вернулся в школу ни с чем, очень смущённый своей неудачей.

Когда опасность миновала, друзья встретились в лесной чаще под кустом можжевельника.

Если бы они умели смеяться, весь лес, наверно, звенел бы от их смеха. Но и теперь они очень веселились, вспоминая свои приключения.

— Ты заметила, какой глупый этот Приссе? — сказал заяц. — Он, кажется, вообразил, что догонит меня! А ведь я бежал даже не во всю прыть.

— А ты заметил, что он совсем не может лазить по деревьям? — сказала белка.

— И что это Калле выдумал, будто он умеет смеяться? — сказал Косой. — Он лает, как самая обыкновенная собака. А мы-то поверили, что Калле всё знает!

— Да, если знаешь, что дважды два — четыре, это ещё не значит, что знаешь всё! — с важностью произнесла белка.

И это, конечно, совершенно верно.



** Содержание **

5	<i>Зимняя сказка</i>
19	<i>Сампо-Лопарёнок</i>
39	<i>Кнут-Музыкант</i>
57	<i>Три ржаных колоса*</i>
65	<i>Звездоглазка*</i>
77	<i>Подарок морского хозяина</i>
95	<i>Сказка про двух колдунов*</i>
109	<i>Жемчужина Адальмины*</i>
121	<i>Флюгерный петух*</i>
129	<i>Солнечный Луч в ноябре</i>
135	<i>Дважды два — четыре</i>

Сакарнас Топелнус

СКАЗКИ

Пересказала Александра Иосифовна Любарская

Для младшего школьного возраста

Редактор Ю. В. Слюсарева

Художественный редактор Р. С. Киселева

Технический редактор С. М. Паль

Корректор Л. Т. Дмитриева

ИБ № 485

Слано в набор 25.12.78. Подписано в печать 19.09.79. Формат бум. 70×90^{1/16}.
Офсетная № 1. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,53.
Уч.-изд. л. 10,74. Тираж 200 000 (3-й завод 130 001—200 000 экз.) Заказ 196. Изд. № 137.
Цена 1 руб. 10 коп.

Издательство «Карелия». Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1.
Типография им. Анохина Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров Карельской АССР. Петрозаводск,
ул. «Правды», 4.

1 p. 10 к.